ФутуристЫ

Первый
журналъ
русскихъ
футуристовъ.

№ 1—2.

МОСКВА
1914.

ФутуристЫ

Первый журналъ русскихъ футуристовъ.

№ 1–2.

МОСКВА
1914.

Тип. и цинк. т/д. „Мысль“ 2 отд. Никитская, 9.

„Первый журналъ русскихъ футуристовъ“

выходитъ 6 разъ въ годъ книгами въ 160—200 страницъ, съ оригинальными рисунками. Въ журналѣ помѣщаются стихи, проза, статьи по вопросамъ искусства, полемика, библіографія, хроника и пр.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Аксеновъ, Д. Болконскій, **Константинъ Большаковъ**, В. Бурлюкъ, **Давидъ Бурлюкъ**, Н. Бурлюкъ, Д. Буянъ, Вагусъ, Васильева, Георгій Гаеръ, Едух, Рюрикъ Ивневъ, Вероника Иннова, **Василій Каменскій**, А. Крученыхъ, Н. Кульбинъ, Б. Лавреневъ, Ф. Леже, Б. Лившицъ, К. Малевичъ, М. Митюшинъ, **Владиміръ Маяковскій**, С. Платоновъ, Игорь Сѣверянинъ, С. Третьяковъ, О. Трубчевскій, В. Хлѣбниковъ, **Вадимъ Шершеневичъ**, В. и Л. Шехтель, Г. Якуловъ, Эгертъ, А. Экстеръ и др.

Редакціонный комитетъ: К. Большаковъ, (библіографія, критика) Д. Бурлюкъ (живопись, литература), В. Каменскій (проза), В. Маяковскій (поэзія), В. Шершеневичъ (библіографія, критика).

1. При непосредственной выпискѣ со склада—пересылка на счетъ издательства.
2. На рукописяхъ, доставляемыхъ въ редакцію, должны быть указаны фамилія автора (не псевдонимъ) и его адресъ.
3. Не принятыя рукописи размѣромъ больше печатнаго листа хранятся въ теченіи 3 мѣсяцевъ. На обратную пересылку и отвѣты прилагать марки.
4. Авторы, не принимающіе редакціонныхъ поправокъ, предупреждаютъ.
5. Стороннія объявленія помѣщаются по соглашенію.
6. Редакція и контора для личныхъ объясненій открыта еженедѣльнично и ежечетвергно отъ 11—1 ч. дня.

Адресъ конторы и редакціи: Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, д. 2, кв 10. Тел. 5-27-11.

Складъ: Карбасниковъ (Моховая). Москва.

Редакторъ: **Василій Каменскій**.

Издатель: **Давидъ Бурлюкъ**.

Оглавленіе.

Поэзія.

Проза.

Теорія и полемика.

Библіографія.

Художественная хроника. 149

Рисунки—

Д. Бурлюка (стр. 35 и 57), Вл. Бурлюка (на отдѣльныхъ листахъ цвѣтные), А. Экстеръ (на отдѣльныхъ листахъ—одноцвѣтные),

---

Владиміръ Маяковскій.

Я сошью себѣ черные штаны из бархата голоса моего
И желтую кофту из трех аршинов заката
И по Невскому міра по лощенным полосам его
Профланирую шагом дон-жуана и фата
Пусть земля кричит в покоѣ обабившись
Ты зеленыя весны идеш насиловать
Я брошу солнцу нагло осклабившись
На глади асфальта мнѣ
„ХААШО ГРАСИРОВАТЬ"
Не потому ли что небо голубо
А земля мнѣ любовница в праздничной чисткѣ
Я дарю вам стихи веселые как би—ба—бо
И острые и нужные какъ зубочистка
Женщины любящія мое мясо и эта
Дѣвушка смотрящая на меня как на брата
Закидайте улыбками меня поэта
Я цвѣтами нашью их мнѣ на кофту фата.

Послушайте!

Вѣдь если звѣзды зажигают
Значит это кому нибудь нужно?
Значит кто то хочет чтобы они были?
Значит кто то называет эти плевочки жемчужиной
И надрываясь в мятелях полуденной пыли
Торопится на небо боится что опоздал
Плачет и цѣлует жилистую руку
И просит чтоб обязательно была звѣзда
Клянется что не перенесет эту беззвѣздную муку
А послѣ ходит тревожный и
Спокойный наружно
И говорит кому то вѣдь теперь тебѣ ничего не страшно.

Да?
Послушайте?!

Вѣдь если звѣзды зажигают
Значит это кому нибудь нужно
Значит это необходимо чтобы каждый вечер над крышами
загоралась хоть одна звѣзда!

Вадимъ Шершеневичъ.

Усталъ отъ электрическихъ ваннъ витринъ,
Отъ городского грамофоннаго тембра.
Полосы шампанской радости и смуглый сплинъ
Чередуются, какъ кожа зебры.

Мысли невзрачныя, какъ оставшіяся на лѣто
Въ столицахъ женщины въ обтрепанныхъ шляпахъ;
Отъ земли, затянутой въ корсетъ мостовой и асфальта,
Вскидывается потный, разслабляющій запахъ.

У вокзаловъ бѣгаютъ паровозы, откидывая
Взъерошенные волосы со лба назадъ;
Утомленный вечерней интимностью хитрою,
На пляжѣ по-дѣтски открываю глаза.

Копаюсь въ памяти, какъ въ пескѣ послѣ отлива,
А въ ушахъ топорщится городской храпъ,
Воспоминанье хватаетъ за палецъ ревниво,
Какъ выкопанный нечаянно крабъ.

* * *

Полсумракъ вздрагивалъ... Фонари свѣтовыми топорами
Разрубали городскую тьму на улицы гулкія,
И, какъ щепки подъ неслышными ударами,
Отлетали крошечные переулки.

Громоздились другъ на друга десятиэтажные вымыслы,
Городъ пролилъ крики, визги и гуловыя брызги...
Вздыбились моторы и пьяную душу вынесли,
Пьяную отъ шума, какъ отъ стакана виски.

Электрическіе черти въ черепѣ развѣсили
Веселыя когда-то суевѣрія—теперь трупы,
И ко мнѣ, забронированному позой Цезаря,
Подкрадывается городъ съ кинжаломъ Брута.

ВЬЮГА.

Улицы декольтированныя въ снѣжномъ балетѣ...
Забеременѣли огнями животы витринъ,
А у меня изъ ушей выползаютъ дѣти,
И съ крышъ слетаютъ ноги балеринъ.

Все прошлое возвращается на бумерангѣ,
Дни въ шеренгѣ дѣлаютъ на-караулъ; ки-
вая спиной, надѣваю мѣшковатый комодъ на-ноги
И шопотомъ бѣгаю въ причесывающемся переулкѣ.

Мнѣ тоже хочется надѣть необъятное
Пенснэ, что на вывѣскѣ черезъ улицу тянетъ вздрогъ,
Оскалить свой пронзительный взглядъ, но я
Флегматично кушаю снѣжный зѣвокъ.

А рекламныя пошлости кажутъ сторожіе
Съ этажей и пассажей, вдругъ обезволясь;
Я кричу исключительно, и капаютъ прохожіе
Изъ подъѣздовъ на тротуарную скользь.

Такъ пойдемте же тыкать расплюснутыя морды
Въ шатучую манну и въ завтрашнее „нельзя",
И сыпать глаза за декольтэ циничнаго города,
Шальными руками по юбкамъ желѣзнымъ скользя!

* * *

Когда завтра трамвай вышмыгнетъ, какъ громадная ящерица,
Изъ за пыльной зелени расшатавшихся бульварныхъ длиннотъ,
И отрѣжетъ мнѣ голову искуснѣе экономки,
Отрѣзающей гостямъ кусокъ красномясой семги—
Голова моя взглянетъ беззлобнѣе сказочной падчерицы
И, зажмурившись, ринется въ сугробъ, какъ кротъ.

И въ каретѣ скорой акушерской помощи
Мое сердце въ огромный пріемный покой отвезутъ,

Изъ глазъ моихъ выпорхнутъ двѣ кенарейки,
На ихъ мѣсто улягутся двѣ трехкопейки,
И вѣнки окружатъ меня, словно овощи,
А сукровичный соусъ омоетъ самое вкусное изъ блюдъ.

Приходите тогда цѣловать отвращеньемъ и злобствуя,
Лейтесь изъ лейки любопытства толпы вонючихъ людей,
Шатайте зрачки надъ застылью безстыдно,
Нюхайте сплетни,—я буду ехидно
Скрестяруко лежать, втихомолку свой фокусъ двоя,
А въ животѣ пробурчатъ остатки проглоченныхъ идей.

С. М. ТРЕТЬЯКОВУ.

Покой косолапый нелѣпъ и громоздокъ.
Сквозь стекло читаю звѣзды луннаго проспекта.
Телефонъ покрылъ звонкой сыпью комнатный воздухъ.
Выбѣгаю и моимъ дыханьемъ жонглируютъ факты проспекта.

Пѣшеходя, перелистываю улицу и ужасъ,
А съ сосѣдняго тротуара, сквозь быстрь авто,
Наскакиваетъ на меня, топорщась и неуклюжась,
Напыжившійся небоскребъ въ размалеванномъ афишномъ
пальто.

Вѣрю я артиллеріи артерій и аллегоріямъ и аріямъ.
Съ уличной палитры лѣзу
На голый зовъ
Митральезы голосовъ
И распрыгавшихся Красныхъ Шапочекъ и языковъ. Я
Отчаянье и боли на тротуарѣ ѣмъ.
Истекаю кровью
На трапеціи эмоцій и инерцій,
Превращая финальную ноту въ бравурное интермеццо.

* * *

Блѣднѣю, какъ истина на столбцахъ газеты,
И тоска обгрызаетъ у души моей ногти.
На катафалкѣ солнечнаго мотоциклета
Влетаю въ шантаны умирать въ рокотѣ.

У души искусанной кровавыя заусенцы,
И тянетъ за больной лоскутокъ всякая...
Небо вытираетъ звѣздныя крошки синимъ полотенцемъ,
И моторы взрываются, пронзительно квакая.

Прокусываю сердце свое собственное,
А толпа безстыдно разпахиваетъ мой капотъ,
И бьюсь отчаянно, будто о стѣну, я
О хмурыя перила чужихъ заботъ.

И каменные проборы расчесанныхъ улицъ
Подъ луною мѣняютъ брюнетную масть.
Наивно всовываю сердце, какъ палецъ,
Судьбѣ громоздкой въ ухмыльнувшуюся пасть.

* * *

Такъ ползите ко мнѣ по зигзагистымъ переулкамъ мозга,
Всверлите мнѣ въ сердце штопоры зрачковъ тугихъ и густыхъ,
А я развѣшу мои снова, какъ рекламы, поразительно плоско
На верткіе столбцы интонацій простыхъ.

Шлите въ запечатанномъ ртѣ поцѣлуи и бутерброды,
Пусть зазывитъ вернисажъ запыленныхъ глазъ,
А я, хромой на канатѣ, ударю канатомъ зѣвоты,
Какъ дрессированную пони, Васъ.

Изъ Вашихъ поцѣлуевъ и изъ ласкъ протертыхъ
Я въ полоску сошью себѣ огромныя штаны
И пойду кипятить въ семиэтажныхъ ретортахъ
Перекиси страсти и докуренные сны.

Въ голое небо всуну упреки,
Закрѣпивъ ихъ за тучи, и, сломанный самъ,
Переломаю моторамъ распухшія отъ водянки ноги,
И пусть по тротуару проскачетъ трамъ.

А городъ захрюкаетъ изъ каменнаго стула,
Мнѣ броситъ плевки газовыхъ фонарей,
И изъ подъѣздовъ заструятся на рельсы гула
Двугорбыя женщины и писки дѣтей.

И я, заложившій междометія наглости и крики
Въ ломбардѣ секундъ и въ пляшущей кладовой,
Выстираю надежды и взлохмаченные миги,
Глядя, какъ городъ подстригъ мой вой.

* * *

Я не буду Васъ компрометировать дешевыми объѣдками цвѣточными,
А изъ уличныхъ тротуаровъ сошью Вамъ платье,
Перетяну Вашу талью мостами прочными,
А эгретомъ будетъ труба на желѣзномъ накатѣ.
Электричествомъ вытку Вашу походку и улыбки,
Вверну въ Ваши слова лампы въ сто двадцать свѣчъ,
А въ глазахъ пусть заплещутся золотыя рыбки,
И рекламы скользнутъ съ провалившихся плечъ.
А городъ въ зимнемъ бѣломъ трико захохочетъ
И броситъ вамъ въ спину куски ресторанныхъ меню,
И во рту моемъ закопошатся ломти непрожеваной ночи,
И я каракатицей по вашимъ губамъ просеменю.

А вы, нанизывая витрины на пальцы,
Обнаглѣвшихъ трамваевъ двухэтажные звонки
Перецѣлуете, глядя, какъ валятся, валятся, валятся
Искреннія минуты въ наксероформленные зрачки.
И когда я, обезумѣвшій, начну прижиматься
Къ горящимъ грудямъ бульварныхъ особняковъ,
Когда мертвое время съ косымъ глазомъ китайца

Прожонглируетъ ножами башенныхъ часовъ,—
Вы ничего не поймете, коллекціонеры жира,
Статисты страсти, въ шкатулкѣ корельскихъ душъ
Хранящіе прогнившую истину хромоногаго міра,
А бравурный, бульварный, душный тушъ!
Такъ спрячьте-жъ запеленутыя сердца въ гардеробы,
Пронафталиньте Ваше хихиканье и увядшій стонъ,
А я Вамъ брошу съ крышъ небоскреба
Ваши зашнурованныя привычки, какъ пару дохлыхъ воронъ.

* * *

Кто-то на небѣ тарахтѣлъ звонкомъ, и выскакивала
Звѣздная цифра... Вечеръ гонялся въ голубомъ далекѣ
За днемъ рыжеватымъ, и за черный пиджакъ его ло-
вила полночь, играя луной въ бильбокэ.

Все затушевалось и стало хорошо потомъ.
Я пристально изучалъ хитрый крапъ
Дней неиграныхъ, и надъ рестораннымъ шопотомъ
Городъ вздыбилъ изнуренный храпъ.

И совѣсть укорно твердила: Погибли съ нимъ,
И Вы, и вскрывшій письмо судьбы!
Галлюцинація! Раскаянья изъ сердца выплеснемъ
Въ морду земли, вставшей на дыбы.

Сдернуть, скажите, сплинъ съ кого?
Кому обѣщать гаерства, лѣкарства, и царства?
Надѣвъ на ногу сапогъ полуострова Аппенинскаго,
Прошагаемъ къ ирраціональности Марса!

* * *

Болтливые моторы пробормотали быстро и на
Опущенную челюсть трамвая, прогрохотавшую по глянцу торца,
Попался шумъ несуразный, однобокій, неуклюже-выстроен-
ный,
И вечеръ взглянулъ хитрѣе, чѣмъ глазъ мертвеца.

Раскрывались, какъ раны, рамы и двери электро, и
Оттуда сочились гнойныя массы изабелловыхъ дамъ;
Разогрѣвали душу газетными сенсаціями нѣкоторыя,
А другія спрягали любовь по всѣмъ падежамъ и родамъ.

А когда городъ началъ крениться на-бокъ и
Побѣжалъ по крышамъ обваливающихся домовъ,
Когда фонари сервировали газовыя яблоки
Надъ компотомъ прокисшихъ зѣвотъ и словъ,

Когда я увлекся этимъ бѣшенымъ макао, самъ
Подтасовывая факты краплёныхъ колодъ,—
Надъ чавкающимъ, переживающимъ мгновенія хаосомъ,
Вы возникли, проливая изъ сердца іодъ.

———

Константинъ
Большаковъ.

НА УЛИЦѢ.

I.

Панели любовно вѣтеръ вытеръ,
Скосивъ удивленные глаза.
Лебеди облаковъ изъ витринъ кондитерской
Въ трепетѣ, какъ однокрылая стрекоза.

И насъ обоихъ рукой коромысла,
Смѣясь, сравняли мясныэ вѣсы,
И кто-то стрѣлки за циферблатъ выслалъ,
Ломая траурные палочки-часы.

Лебеди-облака въ хмуромъ трепетѣ
Шепотомъ кутались въ тысячи позъ,
И вся улица смотрѣла, какъ Вы прицѣпите
Къ моимъ губа̀мъ Ваши губы изъ розъ.

II.

Ахъ, остановите! Все валится,
Въ сердце рушится за небоскрёбомъ небоскрёбъ.
Ахъ, уберите! Оригинальности
Розовую мордочку спрячьте въ гробъ.

Снѣга, какъ изъ влажной перины,
Запушили фонарную яркость...
Слушайте! Кажется! Вальсъ старинный
Сейчасъ прогуляется по Луна-Парку.

Ахъ остановите! Все валится,
И остатки расшатала тревога.
Я фонарнымъ золотомъ и снѣгомъ залитъ самъ,
И мои вѣки бѣлыми пальцами снѣгъ перетрогалъ.

Ахъ, не много, не много, не много
Минутъ дайте выпить оригинальности,
Вѣдь мои вѣки бѣлыми пальцами снѣгъ перетрогалъ,
Я фонарнымъ золотомъ и снѣгомъ залитъ самъ.

ЛУННЫЙ ТРОТУАРЪ.

Плывутъ кровавыя губы
Вечернимъ въ небѣ заревомъ.
Дремлютъ фабричныя трубы.
Сегодня на тротуарѣ Вамъ.

Цѣлуетъ мѣсяцъ слѣды одиноко-ль?
Скользите растерянной улицей.
Луна улыбнулась въ бинокль,
Сдергивая пелену лица.

Картавятъ въ призрачной жути
Луннаго черепа впадины.
Въ моемъ сердцѣ, портмонэ минутѣ,
Незамѣтно всѣ секунды украдены.

РАЗСВѢТЪ.

Дремлю за румяненнымъ облакомъ.
Часъ, кинутый за заборы, упорно молчитъ.
Винныя этикетки цѣлуютъ лобъ лакомъ,
Надѣвая прохожихъ на шпиль каланчи.

Стеклянные скаты разсвѣты вдребезги
Разбиты упорствомъ винныхъ столбовъ.
И отъ золота, и отъ пыли не видно въ небѣ зги
Причесывающихся гранитно-лысыхъ лбовъ.

Разбиваю гранаты любовной памяти,
Краснымъ сокомъ заливаю двери торговыхъ конторъ,
И ускользаетъ, заранѣе занятый,
Лифтъ дня за башенной стрѣлки взоръ.

ОСЕНЕНОЧЬ.

Вѣтеръ, небо опрокинуть тужась,
Изслюнявилъ мокрымъ поцѣлуемъ стекла.
Плащъ дождя срывая, синій ужасъ
Рветъ слѣпительно фонарь поблёклый.

Телеграфныхъ проволокъ всѣ скрипки
Объ луну разбили пальцы ночи.
Фонари, на лифтѣ роковой ошибки
Поднимая урну улицы, хохочутъ.

Мѣднымъ шагомъ черезъ колокольни,
Тяжеля, пяты ступили годы,
Гдѣ, усталой дробью дань трамвай-невольникъ
Отбивая, вялыя секунды отдалъ.

ОСЕНЬ ГОДОВЪ.

Иду сухой, какъ старинная алгебра,
Въ гостинной осени, какъ молочный плафонъ,
Блудливое солнце на палки бра,
Не электричащихъ, надѣваетъ сіянье, треща въ нѣмой телефонъ.

И осыпаются мысли усталаго провода,
Задумчивымъ звономъ цѣлуютъ огни.
А моихъ волосъ безцѣнное серебро водой
Сѣдой обливаютъ хилые дни.

Хило прокашляли шаги ушедшаго шума,
А я иду и иду въ вѣнкѣ жестокихъ секундъ.
Понимаете? Довольно видѣть вечеръ въ позѣ только негра-грума,
Слишкомъ чернаго, чтобъ было видно, какъ утаптывается земной грунтъ.

Пòтомъ времени исщупанный, можетъ, еще не совсѣмъ
достаточно,
Еще не совсѣмъ разсыпавшійся и послѣдній.
Не кажусь ли вамъ старикъ—паяцемъ святочнымъ,
Богодѣлкой, вяжущей на спицахъ бредни.

Я вѣка лохмотьями солнечной задумчивости бережно
Укрывалъ моихъ любовницъ въ разсѣянную тоску,
И вскисшій воздухъ мнѣ тогу изъ суевѣрій шилъ,
Едва прикрывающій наготу лоскутъ,

И, упорно споря и хлопая разбухшимъ глазомъ, нахально
качается,
Доказывая: съ кѣмъ знакомъ и незнакомъ,
А я отвѣчаю, что я только скромная чайница,
Скромная чайница съ невинно-голубымъ ободкомъ.

О ВѢТРѢ.

Звѣзды задумчиво роздали въ воздухѣ
Небрежные пальчики своихъ поцѣлуевъ,
И ночь, какъ женщина, кидая розъ духи,
Улыбку запахиваетъ шубой голубую.

Кидаются экипажи на сумракъ неистово,
Какъ улыбка пристава, разбухла луна,
Быстрою дрожью рукъ похоть выстроила
Чудовищный небоскрёбъ безъ единаго окна

И, обрывая золотистые, свислые волосики
Съ голого черепа моей тоски,
Высоко и быстро пристальность подбросила,
Близорукости сметая распыленные куски.

Вышитый шелкомъ и старательно свѣшенный,
Какъ блоха, скакалъ по городу ночной восторгъ,
И секунды добросовѣстнымъ танцемъ повѣшенныхъ,
Отвозя вышедшихъ въ тиражъ въ моргъ.

А меня, заснувшаго нѣсколько пристально,
У беременнаго мглою переулка въ утробѣ торопитъ сонъ
Досчитать выигрышъ, пока фонари стальной
Ловушкой не захлопнули синяго неба поклонъ.

ВИНО ИЗЪ СЕРДЦА.

Виномъ и сердцемъ брызните въ сердце.
Вина и сердца прошу у Васъ ли?
Виномъ изъ сердца, изъ сердца въ сердце,
Гдѣ розы грёзности не погасли.

Вина и сердца проситъ смотрѣться
И уколоться въ букетъ смѣха.
Веселымъ взоромъ взоритъ сердце,
Велѣть смотрѣться, смотрѣться смѣхомъ.

Вина и сердца, вино изъ сердца—
Изъ сердца грусти хрустящій смѣхъ.
Смотрѣть хотѣлось, вертѣться сердцемъ,
Виномъ по каплямъ колоть Вашъ смѣхъ.

Василій Каменскій.

ЖЕЛЕЗОБЕТОННАЯ ПОЭМА

Д. Бурлюку.

ТаНгО с КоровамИ

Вл. Маяковскому

ЖИЗНЬ Короче воробьинаго визга
соБака ЧТО ли ПлывеТ ТАМ Е
на ЛьДИНЕ по весенней Р Е К
ОЛОВЯныМ ВЕСЕЛiем сМотрим мЫ
на СУДЬБУ
МЫ ОткрыВатели СТРАН
закожурники ЧЕРВИ
К О Р о Л И апельсиновых роЩ
и С к О Т о П р О м Ы ш Л Е Н Н И к И
МожеТ быть чарку ВиНА выпьем
зДоровьЕ пЛанет иСТекающиХ
илИ
Л у ч ш е
з а В е д Ê м Ж кУ
Г Р > М О Ф о
В А С К Ч О Р Т у
К о М О л Ы Е и
у Т ю Г и
я хочу ОДИН плясать
Т А Н Г О С К О Р О В А М и
пеРекидЫвать
М С ы
о Т
о т С л ё З
бычачьей
———————— Ревности
до С л Е з
ПУНЦОВОй дѣвушки

ВЫЗОВ ———

КАК°Ф°Нiю ДУШи
МоТОрОВ *с и м ф о н i ю*
—— ф р р р р р р р р р
это Я это Я
ф у т у р ≈ С т - П Е С Н Е Б О É Ц и
ПИЛОТ-АВIАТОр *)
В А С И Л i Й К А М Е Н С К I Й
эЛаАсТичНыМ пРопеЛерОм
ВВИНТИЛ ОБл А к А
киНув Т А М
з а в и з и т
ДряБлоЙ смерти **КОКОТКш**
из ЖалоСти сшитоЕ
ТАнгОВое МаНтО и
ЧУЛКИ с
П А н Т А Л О Н А М И

*) диплом ИМПЕРАТОРСКАГО всероссiйскаго Аэроклуба № 67 выдан 9 ноября 1911 г.

ЦыГаНкА

ВОЛЯ-РАСТёГНУТА
СЕРДЦЕ—без ПОЯСА
МЫСЛИ--без ШАПКИ в
РАЗГУЛЬНОЙ душЕ
РАЗЛИЛИСЬ Б е Р е Г а
ДРОВ 2 охапки
РУЖЬЕ и ТопоР и
ОЛЕНьИ РОГА
шаТеР и КосТёР и
ОСТРА оСТРТОГА
ПЛЯШИ с бубенЦоМ и Колдуй
Я ОХОТНИК ——— тЫ на ЛовцА
заБлудилась ОвцА
п о ц е л у й
ПОДАри МНЕ *дырявую шаль*
ВОЗЬМИ моЮ *шкуру МЕДВЕЖЬЮ*
ПРИХОДИ еЩе НОЧЕВАТЬ
С ПЕСНЯМИ КОЧЕВАТЬ
ЖИзнЬ—ВОСКРЕСЕНІЕ
ГЛАЗА ТвОи—ГОЛОВНИ
ГУБЫ—ВишНи РАЗДАВЛЕНы
Груди ЗЕМЛЕтрЯСЕНІЕ

Стринник Василій

фане МЛ

Я Странный странник
СТРАННЫХ СТРАН
Складу СТИХИ
в мешок крупчаточный
взвалю на горб
и с костылем
Пойду на богомолье
Зайду и к ВАМ
в имѣніе
выпить КОфЕ выкурить сигару

Начаетьемся
Покатаемся на автомобиле
Заедем на аЭродром
на аэролане Я
опытный пилот
хотите я возьму вас лэди
пассажиркой
Полетим над городом вечерним
ровно в 6 часов
вздрогнут электрическіе фонари
О развѣ не волшебно
ощущать вихрь
К р а с о т Ы
Внизу зажгут Костры
это будет знак нам
кудА спланироватЬ

После полета
На авто в КафЭ
Оттуда в ЦирК
Потом ВАрьетЭ
А УТРОМ
буду вновь серьезен
Скаду Стихи
в мешок крупчаточный
взвалю на горб уйду на богомолье
ВЕрю
Когда нибудь
в горах я встрѣчу ДЕВУШКУ
с корзинкой спелОалых ягод

БА — КУ — КУ

Згу везут в цистернах из бакУ
по безбережью дымных дум
в лѣсу кует кУ-кУ-шка-кУ
ВесеНній неФтьЮ пахнеТ шум
26 мест В автобусЕ рубинавом
рядомъ оНа над дрожжаньем ОкнА
№ 147
качает шоССе
мимО дНИ
столбЫ тЕлЕгРаФнЫе С
БелымИ чашКами
ПРоВоЛоКА медных наДежД
4-го марта (К НЕй)
в гОлОве геОграфическАя картА
НапрасныХ пристанЕй
проеХали черкесы на РѣкУ
аУл в горАх
сердце мотора бьеТся
зГу везут в цистернах из БакУ
Я сплЮ
— ку — ку ——
и знаю гДе то у скитАній
слова взлетаній вейнО вскинУтъ
на плеЧи пеСен
ТИГРОВЫХ ШКУР
аЕромудростьЮ задвИнуты
и пУть взГоРёН
ТЕМИР—ХАН—ШУР

Давидъ Бурлюкъ.

Дав.
Бурлюк.

ПЛАТИ—покинемъ НАВСЕГДА
                                    уюты сладострастья.
ПРОКИСШІЕ ОГНИ погаснутъ ряби вѣкъ
Носители участья
Всѣмъ этимъ имя человѣкъ.
Пускай судьба лишь горькая издѣвка
Душа—кабакъ, а небо—рвань
ПОЭЗІЯ—ИСТРЕПАННАЯ ДѢВКА
а красота кощунственная дрянь.
ЗИМА цвѣтокъ средь бѣлыхъ пристаней.
Роженица раскрывшая животъ
Законное собраніе огней
МОРОЗЪ КИНЖАЛЪ ПОМЕТЪ
Зима дрожитъ у привязи лиловой
ПОСЛУШНИКЪ КРЫСА ПЕСЪ
Озябшая ревущая коровой
И кочкахъ удастирая носъ
Она пучиной ободряетъ ноги
Угасшій кашель сгорбленность могилъ
Теперь у всѣхъ пурга язвитель на порогѣ
ПРОДАЖНОСТЬ БРЕННОСТЬ ИЛЪ.
Пещера слиплась темнота
Стилетъ пронзаетъ внутренность
                              ребенка
Скудель пуста
Ночей гребенка
Запляшутъ кони омертвелой глиной
Гора=ладони
(хироманта миной)
Вѣдь это Крымъ
Сдѣлалъ меня сырымъ.
Бахчисарай. Сентябр. 23. 1913.

(когда снѣжинокъ вервые листы
Упасть умрутъ отъ насламденья).
Ѣду третій классъ
Классъ для отбросса
„ДВОРЯНСКИХЪ (!!) РАССЪ“
—Пустая привычка
„Всѣ равны“
Свиснулъ
Птичка
Пустой страны.
Поѣздъ=стрѣла
а городъ=лукъ
(часъ отбытія=упроченъ)
Каждый жертвенникъ пороченъ
Фонарь=игла
а сердце=пукъ.
Осеній Вѣтеръ Вилъ сВои
тенета
Кружились облаКа вКругъ затхлаго Костра
А небо кРысилось пРедъ бРенная гоРа
Бѣжали жалоБы за—Бота
Столпились всѣ у жалкаго обрыва:
Листы цвѣты и взгляды тонкихъ дѣвъ
(Надъ Ними) расплелась вѣтровъ
мохНатыхъ грива
(По очереди) всѣхъ задѣвъ.
О зацвѣти не зацвѣтаетъ
Благоухай одна лишь вонь
Откроетъ ротъ нѣтъ бѣлыхъ бронь
Старикъ старикъ о лысая старуха
Послѣдній крикъ не ранитъ уха
О уходи ты видишься мертвецъ
Пастухъ коросты и овецъ
О уходи я арендаторъ
Новорожденный Vat r
Слова скакали какъ БЛОХИ
Въ его мозгу
Онѣ не были плохи

На юномъ лугу
У него душа поэта
Сказали о немъ
Но у него нѣтъ лѣта
=Боленъ нутромъ
Слова чернели блохами
На бѣлизнѣ сознанія
[Они были крохами=
ТВОЕГО ПРИЗНАНІЯ].
Километрическихъ скорбящія препоны
Столбы и струны долгихъ скриповъ
Когда мятели шлейфъ непостоянно зыбокъ
И тучъ мохнатыя дерутъ лицо попоны
Дитя рыдаетъ сиплой колыбели
Отваръ лучей и мерзостенъ и жидокъ
Катяся графы этихъ тонкихъ нитокъ
Когда угрюмостью арендой сыты Ели
Кругомъ селеній слабая пкота
(Далекій звонъ) чей голосъ тонко липокъ
Блеснувши бѣлизной заиндивѣвшихъ штриховъ
У голаго **БЕЗЧЕСТІЯ КІОТА**.

ОСТРОВЪ ХОТРИЦА.

Запорожье.

И прощаньемъ укоризной
Украшая свой досугъ
За желѣзною отчизной
Ббрежжетъ соколъ-другъ
КрАкъ могильны далей горы
Праведникъ пещеръ и травъ
Исчезающія воды
Кистью—ниткой начертавъ
Засквози просвѣтовъ далью
Засинѣвъ среди песковъ
Запорожскою пищалью
Утопаютъ брюхо—ровъ

Стономъ крикомъ надъ обрывомъ
Юность (краска) далека
Смерть клеймитъ сердца нарывомъ
Продырявила бока
Не помогутъ ЭЛЕКСИРЫ
Скоръ приспѣшникъ и паукъ
Кошелька и нудной „лиры“
И раба поэта рукъ.

ЗИМНІЙ ПОѢЗДЪ.

Склоненій льдистыхъ горнее начало
Тропа снѣговъ=пути бѣлилъ
Морозъ=укусы=жало
И скотскихъ напряженье жилъ
Шипенье пара
Летъ далекихъ искръ
уходъ угара
дискъ
Р.

НЕУДАЧНОЕ СВИДАНІЕ.

Я СИДѢЛЪ У ПЫЛЬНОЙ ТРОПЫ
Проходило мимо много лицъ
И здоровыхъ и больницъ
И розы и борьбы
Я былъ однимъ изъ калѣкъ
(Мы всѣ всегда уродцы)
Я простой человѣкъ
(Изъ долбящихъ ⟋ колодцы
(П.) По торнымъ остаткамъ житейской тропы
Примчался БОГАТСТВА автомобиль
Прыгали вкругъ его рабы
Плевали на ковыль
Со своей кривоногой клюкой
Прошла лысина умъ
МУДРОСТЬ одеждѣ простой

Горшокъ косоглазыхъ думъ
Всѣ проходили мимо
Зрячіе и слѣпые
(Неся отчетливое имя
Обязанности на выѣ).
Наконецъ ВЕСНА, попахивая о-де-колономъ
Съ васильками БУМАЖНЫХЪ ГЛАЗЪ
При каждомъ шагѣ съ (поклономъ!..)
(Услужливо!!!) распахивая газъ,
ПРОСКАКАЛА (вѣтренница!!) мимо
Вослѣдъ за другими...
Было неумолимо
Ея имя.

ЗАКАТНЫЙ ПѢШІЙ.

Мускулатура тучъ напряжена вечерне
Скользящіе у сихъ угловъ
Заботою фіалково дочерней
Перепеловъ
Глаза вечернихъ лужъ
Слѣдили неустанно
Идущаго къ закату пешехода
Всеобщій мужъ v
Упрятавшій обманно
Приманку рода
Мускулатура тучъ разсѣчена закатомъ
Надъ колкостью весеннею дорогъ
О подойди о будь мнѣ другомъ братомъ
Луны воздѣвшій первый тонкій рогъ.

Л Ѣ Т О.

Лѣнивой лани ласки лепестковъ
Любви лучей лука
Листокъ летитъ лиловый лягуновъ
Лазурь легка
Ломаются летуньи листокрылы

Лепечутъ ЛОПАРИ ЛАЗОРЕВЫЕ ЛУНЪ
Лилейныя лукавствуютъ леилы
Лѣпотствуетъ лѣнивый лгунъ
Ливанъ лысѣйшій лѣтній ларь ломая
Литавры лозами лить лапы лѣвизну
Логъ лексиконъ лакъ люди лая
Любовь лавины=латы льну.

* * *

Л=нѣжность, ласка, плавность, лѣто, блескъ, плескъ и т д.
Ты какъ башня древнемъ паркѣ
Подъ иглой дневной луны
Ты какъ нитка солнца Парки
Всѣ слова низведены
Обольщая упоеньемъ
Міръ открытостью влечетъ
Глубины соединенья
Видишь нечетъ видишь четъ.
Плаксивый желѣзодорожный пейзажъ.
(иногда проходитъ поѣздъ)
Насыпь изогнулась
Ихтіозавръ
Лежащій въ болотѣ
Забытыхъ литавръ
Ржавыя травы
вонючія воды
неба прогнившаго
своды
но гордо подъяты
красные симафоры!..
но злобно проклятый
лукавствали взоры
чахлыя встрѣчи
изломаны плечи
Живая едва
Шелеститъ трава
Заржавѣлыхъ литавръ
Гніющій ихтіозавръ

Желѣзнодорожная насыпь
Броситъ
на сыпь
А вʼздухъ горъ=двухспальная кровать.
РОССІЯ за окномъ какъ темная старушка
О угольки загробныхъ деревень
Разсыпанныхъ (гусиная пастушка,
дымяще тлѣющъ пень)
САМУМЪ И ТЬМЫ и долгихъ грязныхъ далей
ПЕЩЕРНАЯ и скотская и злая
Блестинками иконными эмалей
И сворой звѣздъ проворныхъ лая
А я какъ спиртѣ неудаачный плодъ
На черномъ миртѣ=неба синій рот...

* * *

Зима идетъ глубокія калоши
И насморки и постоянный кашель
И насъ отшельниковъ будничныя рогожи
Вытачиваетъ грудь чахотки злобной шашель
Наградъ одни лишь гнусные остатки
Далекихъ розъ смердѣютъ мощи
А СЧАСТІЕ?— оно играетъ прятки
Осеннихъ грубостей неумолимой рощѣ.
блатъ
свой тяжкій блатъ
свои кожи шума
рогожи ума
Поѣздъ на закругленьи
О заглядѣнье
Ложится на бокъ
вагоновъ жабокъ.
С......е вечернихъ ....аровъ
Подъ пальцами истерзанной волны
Все было тщетнымъ мнѣ сугубно даромъ...
А трепеты роженицы весны...
С......е вечернихъ облаковъ
Надъ тишиной опредѣленныхъ крышъ

(Всѣхъ толстяковъ подпольный шишъ)
А поѣздъ КАКЪ ДИТЯ вдругъ приподнялъ рубаШку
И омоЧилъ (прибреЖность)=насыпь) кустъ
И ландыШъ И волЩы И сладостную каШку
И дѣвуШку упавШую безъ Чувствъ.

Сантиментальная весна.

Всюду легъ прозрачный снѣгъ
На заборы на карнизы
На рѣки унылый брегъ
Пали вѣтренныя ризы
Ночь придетъ умретъ старикъ
У огня окаченѣя
Неутѣшная Лилея.

УЧАСТЬ.

Портреты на стѣнѣ==
Большія мухи
О мерзостной веснѣ
Далекой слухи
Столы—гдѣ писаря
Ведутъ тюрьмы дневникъ
А блѣдная заря
Затоптанный родникъ
Окурки и слѣды
Заплеванныхъ калошъ
И бурки и суды
Скандальный трупъ—дебошъ
Портреты на стѣнѣ==
Раздавленныя мухи
О жертвѣ о веснѣ
Непостоянны слухи.

Хлѣбниковъ.

МУДРОСТЬ В СИЛКѢ,

(Лѣсное утро).

Зеленая Пѣночка прынь!—пуырэбъ, пуыребъ,—пуирепъ
сэ, сэ, сэ!

Золотистая Овсянка Кри ти-ти—ти-и-и

Дубровникъ Вьоръ, вьоръ виру — съекъ, сьекъ,
сьекъ!...

Вьюрокъ Тьорти—ед игреди!

Пѣночка зеленая Принь, пуирепъ, пцырепъ. —
пуирепъ сэ, сэ, сэ!

Черная Славка беботеу—вевять!

Лѣсное божество въ распущенныхъ стеклянно
волнистыхъ волосахъ
но знаю я, пока живу,

Что есть „уа" что есть „ау".

(Цѣлуетъ склоненнаго ребенка)

Птица отэу, отэу!....

Ворона Каа-а!

Гробъ леунностей младыхъ

Вѣко тяжкое упало

Смертичь смерчь свѣтъ женихъ

Я всю жизнь тебя искала.

Сѣтичь.

Мельководы въ дальнихъ водахъ

Рыбныхъ игръ звенитъ струя

Манна манна даль свободы

Дѣти дѣти это я!...

1906 года

(Инструменты игры)

Зналь	Звучаль	Бряцаль
Бѣжаль	Скучаль	Лепетня
Леталь	Свисталь	Дышаль
Цвѣталь	Грохотня	Свиристѣль
Писаль.	Стучаль	Верещаль
	Звенѣль	Пищаль
	Сопѣль	Распѣвня
	Скрипѣль	Стональ
	Визжаль	Любиль (лира)
	Свирѣль	Ревѣль
	Выль	Урчаль
	Гудѣль.	Ворчаль
		Реунница
		Скрипѣльница
		Трескунки
		Свистунки
		Свиристокъ
		Свiязка.

оюнѣлыхъ тучегонностей младыхъ.
невинь медокогласная сидѣла на кустѣ
Мужунія Мужунія
вдвоемъ ворожили на общемъ кустѣ
Что были—не знаю. Что еси—не хочу
Что будетъ—рыдаю! что будетъ—молчу
Женунъ и женулъ
Мы одни въ дремѣ лѣсной
Мы въ другъ друга влюблены
Не подруги не жены
Мы другъ въ друга любуны
Поженовники. Полюбовники
Ни невѣсты Ни жены
Мы одни въ странѣ зеленой.

Бенедиктъ Лившицъ.

КІЕВЪ.

Поправъ печерскіе шафраны,
Печально чертишь лобъ врага
Сквозь аракчеевскія раны
Въ оранжерейные снѣга,
Чтобъ Михаилъ, а не Меркурій
Простилъ золотоносный ростъ,
Соперничающій въ лазури
Съ востоками софійскихъ звѣздъ,
За золотые, залитые
Невѣрнымъ солнцемъ первыхъ лѣтъ
Сады, гдѣ выею Батыя
Охваченъ университетъ.

Николай Бурлюкъ.

Ко мнѣ вотъ-вотъ вдругъ прикоснутся,
Ужъ вѣтеръ волосъ шевелитъ,
И заклинанья раздаются
Подъ сводомъ безразличныхъ плитъ.
Но я молю съ кривой улыбкой
Твою измѣнчивую лѣнь,
Что если бы, хотя ошибкой,
Ты на меня роняла тѣнь
И если бъ твой любовникъ вялый,
Покорный медленнымъ устамъ,
Прикрылъ хотя частицей малой
Моихъ телесъ замѣтный гамъ.
Сѣрѣетъ сумракъ подземелья,
Враговъ звончѣе голоса,
И кроетъ отъ ночного зелья
Мой лобъ кровавая роса.

* * *

Въ глубокихъ снахъ. Меня прельстила
Прозрачнымъ взглядомъ синихъ льдовъ
И маленькій цвѣтокъ носила
Подъ говоръ медленныхъ годовъ,
Теперь же я и сухъ и пыленъ
Въ гербаріяхъ полночныхъ лицъ
Твою тропу ищу безсиленъ
На улицахъ пустыхъ столицъ.

НОЧНАЯ СМЕРТЬ.

Изъ равнодушнаго досуга
Прохваченный студенымъ вихремъ
Площадку скользкую вагона
Ногою судорожною мину,
И вѣтви встрѣчныя деревьевъ,
Взнеся оснѣженныя лица,
Низвергнутся въ поляны гнѣва,
Какъ крылья пораженной птицы.

* * *

Слегка проворныя глаза
Подъ равнодушными стѣнами
Ужели вы не указали
Тотъ путь простой къ стороннимъ тучамъ,
Морозны окна и витрины
Вдоль расколовшейся толпы,
А взоръ принесъ живые крины
Въ насквозь прошедшія шипы.

* * *

Я долженъ голосъ неизмѣнный
Изъ-за угла природы ждать,
Я долженъ средь людей искать
Того, кто носитъ знакъ немного сгорбленной камены.

Игорь-Сѣверянинъ.

Въѣзжаетъ дамья кавалерія
Во дворъ дворца. Подъ алый звонъ
Выходитъ президентъ Валерія
На бѣломраморный балконъ.

Съ лицомъ нѣмымъ, съ душою пахотной,
Кивая сдержанно полкамъ,
Передаетъ накидокъ бархатный
Предупредительнымъ рукамъ.

Подъ полонезъ Тома̀ блистательный
Она садится на коня,
Командой строго-зажигательной
Всѣ эскадроны съединя.

Сойдя олиліенной лѣстницей,
Она идетъ на правый флангъ,
А передъ нею, предъ извѣстницей,
Уже безумится мустангъ.

Отъ адъютанта донесеніе
Принявъ, зоветъ войска въ походъ.
Ахъ, наступаютъ дни весенніе
И надо же найти исходъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ мужчины умерли—
Утѣха женщины—война.
Томительны весною сумерки,
Когда призывишь—и одна.

Но есть страна, mesdames, довѣріе,
Гдѣ живъ одинъ орангутангъ,
„И онъ", воскликнула Валерія,
„Онъ будетъ нашъ! Впередъ, мустангъ!"

И увядавшая лавзонія
Вновь заструила фиміамъ,
Такъ процвѣтаетъ амазонія,
Вся состоящая изъ дамъ.

Владиміръ Маяковскій.

ЕЩЕ Я

Улица проваливалась какъ носъ сифилитика
Рѣка сладострастія растекшееся въ слюни
Отбросивъ бѣлье до послѣдняго листика
Сады похабно развалились въ іюнѣ.
Я вышелъ на площадь выжженный кварталъ
Одѣвъ на голову какъ рыжій парикъ
А людямъ страшно что у меня изо рта
Шевелитъ ногами непрожеванный крикъ
Какъ трактиръ мнѣ страшенъ вашъ страшный судъ
Вѣдь меня одного сквозь горящія зданія
Проститутки какъ... на рукахъ понесутъ
И покажутъ... въ свое оправданіе
И... заплачетъ надъ моей книжкой
Не слова а судороги смѣшивая комомъ
И побѣжитъ по... съ моими стихами подъ мышкой
И будетъ задыхаясь читать ихъ своимъ знакомымъ.

УТРО ПЕТЕРБУРГА

Въ ушахъ обрывки теплаго бала
А съ сѣвера снѣга сѣдѣй
Туманъ съ кровожаднымъ лицомъ канибала
Жевалъ невкусныхъ людей
Часы нависали какъ грубая брань
За 5-мъ нависъ 6-й
А съ крышъ смотрѣла какая то дрянь
Величественно какъ Левъ Толстой.

ПРОЗА.

ЮНОША ЯМIРЪ.

Юноша ЯМиръ.
Я клѣтка волоса или ума большого человѣка, котораго имя Россiя
Развѣ я не гордъ этимъ?

Онъ дышитъ этотъ человѣкъ и смотритъ онъ шевелитъ своими костями когда толпы мнѣ подобныхъ кричатъ долой или ура Старый Римъ какъ мужъ наклонился надъ смутной темной женственностью сѣвера и кинулъ свои сѣмена въ молодое женственное тѣло.

Развѣ я виноватъ что во мнѣ костякъ римлянина.

Побѣждать, Завоевать, владѣть и подчиняться—вотъ завѣтъ моей старой крови.

ПРОСТАЯ ПОВѢСТЬ.

Небозобый гуллитъ, воркуетъ голубь
У дальнихъ качелей, какъ вечеръ, морщинится, струится платье
Даокiй проходитъ по полю у тополя юноша.
Ноги какъ, дни и ночь сутокъ, мѣняютъ свое положенiе.

Вечеръ вспыхнулъ; безъ ночи возникли утра поднятыхъ рукъ. Ея рѣсницы—какъ время зимы, изъ которой вынуты всѣ дни, и остались однѣ длинныя ночи—черныя.
Остались шелковыя дремлющiя ночи.
Ожиданiевласа одѣтая въ вечернее дѣвушка.
И желанiе гривые комони бродятъ по полю, срываютъ одинокiе цвѣты.

Недѣлей туго завитая коса дѣвушки.—дни недѣли.
Рука согнута, какъ жизнь свадьбой. въ рукѣ—цвѣтокъ.

Никнетъ, грузнетъ струистый вечеръ. Не надо ничего, кромѣ цвѣтка — сонъ-травы. Крыльями птицъ разметались части платья даокаго юноши.

Онъ разсвѣтогруденъ. Его кафтанъ, какъ время, и пуговицы, какъ ясные дни. осени, осенъ
Въ рукѣ никъ платокъ-забвеніе.
Зачѣмъ, какъ воины, обступили—прикрыли разсвѣтъ умирающій вороны?

Впрочемъ, горнишня принесла настойчиво зовущей г-жѣ морѣль.

Коллективный псевдонимъ.

АААА

ХОЧУ Я.

Долирь. Небини скинули, глянь, черно-синіе тайилища и въ плясьменахъ подъ дуду смѣхунно высотовую дерзача свершаютъ красотинный ходъ до зари. Утриня съ востоковатыми устами улыбенѣетъ не каменно и властно простираетъ надъ землей вселенновую руку. Зоричи-небичи, благословенси-зоричи-сыпятся съ неба милебой неба съ соннѣющей землей.—небовые красно-багряные цвѣты О небатая тонеба меня въ нея! Небакъ, мірѣющій взоромъ и златоволначь волосежомъ, стройнивецъ плечами и прямивецъ станомъ беретъ днерокотную свирѣль. Утрочь сквозь волны бѣлизнъ и чернизнъ правитъ челнъ. Повсюду утрири. Утро

Я. Милеба небскаго могача и небской силебы съ земнатой жилебой. не предвѣщаетъ мнѣ добренѣющихъ зѣло дѣлъ. Зловый дождь, дождь зла, вижу, ожидаетъ меня. Имѣя умъ гибкій какъ у божества т. к. лишь точка божества я какъ и все живое, я нашелъ-бы выходъ достойный и точный въ удачѣ.

Ручьиня. Ощупывающій меня взоромъ! Видунъ будь, надменникъ, этихъ глазъ: нѣкогда были громадны, какъ міръ будучи прошлымъ и будущимъ вселенной и вселенничами были дѣтскіе взоричи, будучи памятью у одного и надеждой

у другого. И всѣ были божичами А нынѣ я меньше стрекозы и лишь рыбаки пугаются моего тощаго тѣла.

Мстить, мстить! О мстенѣющій замыселъ! Самоубійствоватыя крылья слѣпи изъ дней прожитыхъ. и путиной небеснатой и чистой, желомецъ навинь и жалимецъ всѣхъ лети лети! и подобно щиту останавливая въ себѣ и мѣшкотствуя полету вселенничей омиченѣй безсрочно, новый видъ безсрочія, брызга безсмертныхъ хлябей и дѣлай то, что тебѣ подскаженъ, нужда. Самотствуя, но инотствуя, станешь путиной гдѣ безумствуютъ косяки страстепогихъ кобылицъ, но неся службѣ иной можбѣ будешь воленъ пасть въ пасть земныхъ долинъ.

Всесущиня. Можебная страна велика и кто узналъ рубежи?

В. Хлѣбниковъ.

ДОКТОРЪ.

Начало іюня это—начало вашей старости, старости подъ перомъ заката. Вода рѣки желтѣетъ и шевелится. Вѣтеръ заноситъ дымъ парохода впередъ и берега запачканы зеленой краской вербъ и осокорей. Пейзажъ слишкомъ вѣтреный и шероховатый.

Подъ вашей желтой, кожаной, докторской шляпой слишкомъ много задора и отчаянія, и на рубкѣ перекошенные евреи сунутся мимо васъ, и внизу близъ каютъ, на мѣшкахъ со шпагатомъ, торчатъ покрученные пальцы ногъ, точно концы старыхъ канатовъ. Коммерсанты вычисляютъ доходы и расходы непроданныхъ мѣстъ, а мы съ вами слушаемъ вѣщій намекъ на задумчивый взоръ слишкомъ одинокаго мечтателя.

Должно быть вы мнѣ разсказали такъ:

Я сейчасъ шла на рубку. Подошла къ юту съ одной стороны;—спятъ, вытянувшись во весь ростъ, четверо — никакъ нельзя пройти, какъ-разъ у лѣстницы... А съ другой стороны сидятъ парни и играютъ въ карты. Я обошла кругомъ и говорю: „пропустите!"—

Тогда одинъ:—„Вы бы, барышня, съ той стороны"—

— „Да тамъ спятъ!"—„Ну, такъ чтожъ, что спятъ!?"—

— „Да мнѣ будить жалко!„—Другой даже переспросилъ: „Какъ жалко?".

Ну, все-таки пропустили.

Я не гадаю съ хлѣбнымъ шарикомъ, но это, ей-Богу, что-то значитъ. Дайте подумаю. Да! Вотъ какъ:—Вы видите рыбака въ лодкѣ.—Вѣтеръ качаетъ пловца, и въ ударахъ волнъ и въ упорствѣ машины звучитъ сумеречный стихъ:

„Я берегъ покидалъ туманный Альбіона,
Казалось онъ во тьмѣ свинцовой утопалъ,
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увѣдомлялъ...
Мы съ вами уходимъ и на пароходѣ, и въ печали, и на водѣ...
И я, и вы черезчуръ любимъ спящихъ.

Николай Бурлюкъ.

Теорія и полемика.

РАЗГОВОРЪ ОЛЕГА и КАЗИМИРА.

Олегъ. Кромѣ случаевъ уродства, рука имѣетъ пять пальцевъ. Не слѣдуетъ ли отсюда, что и самовитое слово должно имѣть пять лучей своего звукового строенія гривы коня Пржевальскаго?

Казимиръ Возьми и посмотри.

Олегъ. Вотъ „Пощечина общественному вкусу“ (стр. 8). „Крылышку я золотописьмомъ тончайшихъ жилъ, кузнечикъ въ кузовъ пуза уложилъ прибрежныхъ много травъ и вѣръ. Пинь пинь тарарахнулъ зинзивѣръ- о лебедиво- о озари“. Устанавливаю, что въ нихъ отъ точки до точки 5 к, 5 р, 5 л, 5 у. Это законъ свободно текущей самовитой рѣчи. „Шопотъ, ропотъ, нѣги стонъ“ (стр. 52) построено на 5 о; „Мы, не умирающіе, смотримъ на васъ умирающихъ“ построено на 5 м (стр. 31). Есть много другихъ примѣровъ. Итакъ, самовитое слово имѣетъ пяти-лучевое строеніе и звукъ располагается между точками, на остовѣ мысли, пятью осями, точно рука и морскія звѣзды (нѣкоторымъ).

Казимиръ. Вообще слово лицо съ низко надвинутой шляпой. Мыслимое въ немъ предшествуетъ словесному, слышимому. Отсюда “Бэотія, Италія, Таврида, Волынь“ тѣни, брошенныя „землей воловъ“ на звукъ.

Олегъ. Важно отмѣтить, что судьба звуковъ на протяженіи слова не одинакова и что начальный звукъ имѣетъ особую природу, отличную отъ природы своихъ спутниковъ. Примѣры упорства этого звука при перемѣнѣ остальныхъ: Англія и Альбіонъ, Иберія и Испанія. Ш и г упорно стоятъ въ началѣ именъ многихъ нѣмецкихъ мыслителей: Шиллеръ, Шопенгауеръ, Шлегель, Гете, Гейне, Гейзе, Гегель, Гаупт-

манъ. Въ Россіи начинается съ Б мятежъ ради мятежа. Иногда правящій родъ и страна начинаются съ общаго начальнаго звука: Германія, Гогенцоллерны, Габсбургъ. Русь, Рюриковичи. Двойственность, раздѣлъ древняго міра на г и р (Греція и Римъ), въ новомъ вѣкѣ имѣетъ русскихъ и германцевъ (нѣмцевъ). Здѣсь г и р древнѣе, чѣмъ страны. Это не есть игра случая. „Рокъ" имѣетъ двойное значеніе судьбы и языка. Первый звукъ въ отличіе отъ другихъ есть проволока, русло токовъ судьбы.

Казимиръ. И имѣетъ трубчатое строеніе и имъ слухъ пользуется, чтобы услышать будущее въ неясныхъ говорахъ.

Олегъ. Да, онъ есть какъ-бы позвоночный столбъ слова. Разсудочный сводъ языка древнѣе словеснаго и не измѣняется, когда измѣняется языкъ, повторяясь въ позднѣйшихъ оборотахъ. Такъ, „теплый" и сейчасъ имѣетъ бранный смыслъ („теплые люди"), а „свѣтъ, свѣтикъ—ласковый, привѣтливый" („свѣтикъ ясный"). Между тѣмъ это старинное противопоставленіе грѣшнаго начала, отъ слова грѣть и святого—отъ свѣтъ, свѣтить. Древнему разуму просвѣчивались сквозь нравственные порядки вещественныя силы.

Казимиръ. Какъ прекрасенъ былъ Винтанюкъ въ его отзывѣ о завоевателѣ: „человѣкъ здоровый, лицо сухое, а пузо не малое".

Олегъ. О, онъ неувядающій учитель слога, образчикъ краснорѣчія, столѣтній судья. Это приговоръ ста лѣтъ. Романченко учитель замысла. Я вижу бурное черное, гребень молній и одинокаго пловца. Смотри, какъ „р", точно край облака, освѣщенный судьбой, сопутствуетъ одной парѣ народовъ, отъ колыбели до современности, а „г"—другой. Итакъ, природа перваго звука иная, чѣмъ остальныхъ. „А" упорно стоитъ въ началѣ названій материковъ—Азія, Африка, Америка, Австралія, хотя названія относятся къ разнымъ языкамъ. Можетъ-быть, помимо современности, въ этихъ словахъ воскресаетъ слогъ „А" праязыка, означавшій сушу.

Викторъ Хлѣбниковъ.

ПОЭТИЧЕСКІЯ НАЧАЛА.

„Такъ на холстѣ ка-
кихъ-то соотвѣтствій.
Внѣ протяженія жило
Лицо"

В. Хлѣбниковъ.

Предпосылкой нашего отношенія къ слову, какъ къ живому организму, является положеніе, что поэтическое слово чувственно. Оно соотвѣтственно мѣняетъ свои качества въ зависимости отъ того—написано ли оно, или напечатано, или мыслится. Оно воздѣйствуетъ на всѣ наши чувства. Ранѣе, когда мы говорили „дерево", мы должны были этимъ логическимъ обобщеніемъ возбудить воспоминаніе о какомъ-нибудь опредѣленномъ деревѣ и тогда прочувствовано уже воспоминаніе. Теперь—путь созерцанія эстетическихъ цѣнностей.

Въ связи со сказаннымъ слово лишь настолько имѣетъ значенія для передачи предмета, насколько представляетъ хотя бы часть егокачествъ. Въ противномъ случаѣ оно является лишь словесной массой и служитъ поэту внѣ значенія своего смысла. Мы можемъ отказатся отъ слова, какъ жизнедѣятеля, и тогда имъ воспользоваться, какъ миѳотворцемъ.

Прежде всего, нужно различать авторскій почеркъ, почеркъ переписчика и печатные шрифты. Иныя слова никогда нельзя печатать, т. к. для нихъ нуженъ почеркъ автора. Въ послѣднее время это отчасти поняли, напр., стали фамилію автора передавать въ его почеркѣ.

Понятно, какую громадную цѣнность для истиннаго любителя являются автографы сочиненій. „Литературная компа-

нія“ выпустила писаныя отъ руки книги. О роли шрифта я не стану говорить, т. к. это для всѣхъ очевидно.

Громадное значеніе имѣетъ расположеніе написаннаго на бумажномъ полѣ. Это прекрасно понимали такіе утонченные Александрійцы, какъ Аполлоній Родосскій и Каллимахъ, разполагавшіе написанное въ видѣ лиръ, вазъ, мечей и т. п.

Теперь о виньеткѣ. Вы всѣ помните Дюреровскую „Меланхолію“, гдѣ не знаешь конца надписи и начала гравюры. Еще болѣе показателенъ Гогенъ. „Soyez amoureuses vous seres heureuses“, „Soyez mysterieuse“ и т. д. Это элизіумъ вокабулъ, гдѣ буквенные завитки оплакиваютъ свое прошлое... Моей мечтой было всегда, еслибъ кто-нибудь изучилъ графическую жизнь письменъ, этотъ „голосъ со дна могилы“ увлеченія метафизикой. Сколько знаковъ нотныхъ, математическихъ, картографическихъ и проч. въ пыли бибіотекъ. Я понимаю кубистовъ, когда они въ свои картины вводятъ цифры, но не понимаю поэтовъ, чуждыхъ эстетической жизни, всѣхъ этихъ $\int$, ∽, $+$, §, $\times$, ♀, ♁, $\sqrt{}$, $=$, $>$, $\triangle$ и т. д. и т. д.

Раньше болѣе понимали жизнь письменъ, откуда же не чувствуемое теперь нами различіе между большими и малыми буквами, особенно въ нѣмецкомъ. Возьмите рукописныя книги XIV—XV вѣковъ, съ какой любовью тамъ наравнѣ съ миніатюрами украшается и усиляется буква, а наши церковныя книги — даже XVIII ст. Здѣсь я долженъ указать на свѣтлую жизнь Ѳедорова, московскаго ученаго, (недавно умершаго). Онъ въ тяжелую эпоху символизма и „декаденства“ тщетно указывалъ на роль въ эстетикѣ письменъ.

Соотношеніе между цвѣтомъ и буквой не всегда понималось, какъ *окрашиваніе*. Въ іероглифахъ цвѣтъ былъ такъ же насущенъ, какъ и графическая сторона, т. е. знакъ былъ *цвѣтное пятно*. Если вы помните, Эгейское море обязано черному флагу, а наши моряки до сихъ поръ во власти цвѣтного флага. При переходѣ отъ *вещевого* (письма) черезъ *символическое* къ звуковому письму мы утеряли *скелетъ* языка и пришли къ словесному рахитизму. Только глубокій вкусъ спасъ нашихъ переписчиковъ и маля-

ровъ при окрашиваніи заглавныхъ буквъ и надписей на вывѣскахъ. *Часто только варварство можетъ спасти искусство.*

Уже въ 70-хъ гг. во Франціи Jean-Arthur Rimbaud написалъ свое Voyelles, гдѣ пророчески говоритъ:

A noir, E blanc, I rouge, U vert, O bleu, voyelles
Je dirai quelque jour vos naissances Latentes.

Запахъ и слово. Я молодъ и не имѣю коллекціи надушенныхъ женскихъ писемъ, но вы, старѣющіе эротоманы, можете повѣрить аромату. Надушенное письмо женщины говоритъ больше въ ея пользу, чѣмъ вашъ пахнущій сигарой фракъ. Кажется японцы и китайцы душатъ книги, т. ч. книга обладаетъ своимъ языкомъ благовонія.

Когда я еще былъ херсонскимъ гимназистомъ, для меня являлось большимъ удовольствіемъ ходить по старому Екатерининскихъ временъ кладбищу и читать надгробныя надписи, звучавшія различно на камнѣ или на мѣди.

„. . . . . . Корсаковъ
онъ строилъ городъ сей и осаждалъ Очаковъ“.

Стремясь передать третье измѣреніе буквъ, мы не чужды ея скульптуры.

Возможно ли словотворчество и въ какомъ размѣрѣ? Гдѣ искать критерія красоты новаго слова? Созданіе слова должно итти отъ корня или случайно?

Теоретически отвѣчая на первый вопросъ, скажу, что возможно до безконечности. На практикѣ, конечно, немного иначе: *слово связано съ жизнью миѳа и только миѳъ создатель живого слова.* Въ связи съ этимъ выясняется второй отвѣтъ:—критерій красоты слова—миѳъ. Какъ примѣръ истиннаго словотворчества, я укажу „Мирязь“ Хлѣбникова, *словомиѳъ*, напечатанный въ недавно вышедшей „*Пощечинѣ общественному вкусу*“. Я не буду распространяться о взаимоотношеніи между миѳомъ и словомъ. *Корневое слово имѣетъ меньше будущаго—чѣмъ случайное.* Черезчуръ все прекрасное *случайно* (см. философія случая). Различна судьба двухъ дѣтищъ случая:—риѳма въ почетѣ, конечно, заслуженномъ, оговорка же, lapsus linguae,—этотъ кентавръ поэзіи—въ загонѣ.

Меня спрашиваютъ,—національна ли поэзія?—Я скажу, что всѣ арапы черны, но не всѣ торгуютъ сажей,—и потомъ еще—страусы прячутся подъ кустами (Strauch). Да Путь искусства черезъ национализацію къ космополитизму.

Я еще разъ долженъ напомнить что истинная поэзія не имѣетъ никакого отношенія къ правописанію и хорошему слогу,—этому украшенію письмовниковъ, аполлоновъ, нивъ и прочихъ общеобразовательныхъ „органовъ".

Вашъ языкъ для торговли и семейныхъ занятій.

Николай Бурлюкъ при участіи Давида Бурлюка.

SUPPLEMENTUM КЪ ПОЭТИЧЕСКОМУ КОНТРАПУНКТУ.

Мы нѣмы для многихъ чувствъ, мы переросли корсеты Петровской азбуки. Поэтому я заканчиваю свое краткое обозрѣніе задачъ новаго искусства призывомъ къ созданію новой азбуки, для новыхъ звуковъ. Многія идеи могутъ быть переданы лишь идеографическимъ письмомъ.

Многія слова оживутъ въ новыхъ очертаніяхъ. Въ то время, какъ рядъ звуковыхъ впечатлѣній создалъ нотное письмо, въ то время, какъ научныя дисциплины полнятся новыми терминами и знаками, мы въ поэтическомъ языкѣ жмемся и боимся нарушить школьное правописаніе. Искусство ошибки также оттѣняетъ созидаемое, какъ и академическій языкъ.

Если мы изжили старое искусство, если для не всѣхъ стало ясно, что это—слово, но не рѣчь, то это вина педантизма и кастраціи духа творившихъ его. Нужно помнить: что для нашего времени и для нашей души необходимъ другой подходъ къ словесному искусству, къ пріемамъ выразительности. Наша же азбука, нашъ поэтическій лексиконъ, наша фразеологія создались исторически, но не по законамъ внутренней необходимости. Словесная жизнь тождественна естественной, въ ней также царятъ положенія вродѣ Дарвиновскихъ и де-Фризовскихъ. Словесные организмы борятся за существованіе, живутъ, размножаются, умираютъ. До сихъ поръ филологія была любовью къ анекдоту, къ исторіи быта и философіи, но не къ слову. Напрасны призывы Шахметова, Будуэна де-Куртене и немн. др. къ истинному пониманію ея задачъ. Школьная схема дѣлаетъ свое, и для 9/10 филологовъ языкъ—не живой, измѣнчивый организмъ, а механизмъ, въ словаряхъ и учебныхъ пособіяхъ. Я вполнѣ понимаю А. Франса, когда онъ возстаетъ противъ преподаванія грамматики и теоріи словесности, ибо даже во Франціи до сихъ поръ не создано правильнаго пути въ пониманіи жизни языка.

Резюмируя вышесказанное, мы прійдемъ къ опредѣленію: слово и буква (звучащая)—лишь случайныя категоріи—общаго недѣлимаго.

Н. Бурлюкъ.

ФУТУРОПИТАЮЩІЕСЯ.

А Чуковскій говоритъ: разнесу!

— То-есть, позвольте: что разнесу?

— Все!

— То-есть какъ это: все?

— Да такъ!

Ужасно какой безпардонный. Это не то, что Айхенвальдъ. Тотъ такой субтильный, тонконогій, все расшаркивается, да все по-французски, а этотъ, стоеросовый, и не говоритъ, а словно буркаетъ:

«Маяковскій иллюзіонистъ, визіонеръ, импрессіонистъ, чужой футуризму совершенно. Хорошъ урбанистъ, пѣвецъ города, если городъ для него палачество! Это кликуша, неврастеникъ, горластый!»

«Игорь-Сѣверянинъ и всѣ эгофутуристы — романтики: для нихъ какой-нибудь локончикъ или мизинчикъ, кружевце, шуршащая юбочка — есть магія, сердцебіеніе, трепетъ, слюнявятся они въ своихъ поэзахъ. Они очень милые писатели, но гдѣ же здѣсь, ради Бога, футуризмъ ?»

«Крученыхъ — почешетъ спину объ заборъ, этакій, ей-Богу, свинофилъ. Только Россія рождаетъ такихъ коричнево-скучныхъ людей — подстать своимъ заборамъ. Безпросвѣтная, мелкая и темная фигура, нѣчто вродѣ холернаго вибріона».

«Гнѣдовъ — личность хмурая и безнадежная».

«Бен. Лифшицъ — эстетъ, тайный парнасецъ. Онъ не футуристъ, а его пощечина — не пощечина, а бромъ».

А то просто «икнетъ, рыгнетъ, да и бухнетъ»: Вершковые новаторы, скачущіе за завтрашней секундой!

Ахъ, какъ все пышно у Чуковскаго! Ахъ, какъ все убійственно-остроумно! Не критикъ, а какой-то безпроигрышный пулеметъ! Кто появится въ литературѣ — бацъ камнемъ и наповалъ. Это все рав-

но, что прежде попалъ въ Вербицкую, а потомъ съ той же граціей швырнетъ въ футуристовъ! Ему самое важное разбить скрижаль. Если кто-нибудь спроситъ Чуковскаго:

— Какъ вы проводите день?

Онъ отвѣтитъ: Завтракаю, обѣдаю, а отъ трехъ до пяти разбиваю скрижали!

— Зачѣмъ? Вѣрите?

— Да, нѣтъ, а такъ, чтобы не скрижалились, глаза не мозолили! На что мнѣ вѣра?

Ужъ коли во что вѣрю, такъ это въ геніальность Рѣпина! Онъ большой и меня заслонитъ. А о футуристахъ надо, модно!

Итакъ, Чуковскій доказалъ, какъ $2 \times 2 = 4$, что всѣ футуристы — не футуристами; всѣ они — притворщики. Такъ только зря всѣ назвались футуристами и пищатъ:

Мы всѣ футуры понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

А Чуковскій, какъ кондукторъ литературнаго трамвая, той же рукой, которая вымазана въ вербицкопинкертонокинематографѣ, отстранитъ всѣхъ и гаркнетъ, посматривая на свое имя, какъ на полицейскаго,

— Мѣстовъ нѣтъ!

Именно «мѣстовъ», потому что критики ничего не умѣютъ склонять, кромѣ своей головы передъ авторитетами.

— Мѣстовъ нѣтъ! да еще прибавитъ:

Фриче, Фриче, бѣсенята!

Этакій, право, старшій помощникъ младшаго писаря изъ Крыжополя! Стоитъ съ избирательнымъ спискомъ и сортируетъ: Правовъ не имѣете! И правовъ ни у кого не оказывается. Какъ это до сихъ поръ не передѣлали поговорки: пройти сквозь огонь и воду и Корнѣя Чуковскаго.

Футуристовъ нѣтъ, всѣ самозванцы! Футуристовъ съ испуга выдумали, чтобы устрашать. Сталъ плохо писать Блокъ, Сологубъ и др., а имъ и говорятъ:

— Коли ты не будешь писать, какъ слѣдуетъ, я буку позову.

А такъ какъ бука давно отнесенъ въ ломбардъ россійскаго символизма, гдѣ, какъ извѣстно, непорядки и закладовъ и за деньги обратно не получишь, придумали: — Коли ты не будешь писать, какъ надо, я футуриста позову.

И всѣ для острастки купили по Маринетти, что-то среднее между звѣремъ и автомобилемъ, держутъ этого Маринеттобиля въ клѣткѣ, что зовется «заграницей», и грозятся: Смотри, молъ, пиши, какъ слѣдуетъ, а то Маринетти выпущу; наши русскіе еще Маринеттяне, а я взыправь позову самаго размаринеттѣйшаго! А какъ дѣвочка ужъ очень перепугалась, Чуковскій успокоилъ: ты не бойся, тотъ «далеко, онъ не услышитъ», а наши — хочешь шепну по секрету — игрушечные, фальшивые!

Итакъ, футуристовъ нѣтъ и не было. Ихъ выдумали со скуки критики коричнево-скучные подстать нашимъ осинамъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ чего бы у насъ появиться футуристамъ? Футуристы указываютъ на культурность страны, а какая ужъ въ Россіи культурность, когда у насъ существуютъ Чуковскій и «Русскія Вѣдомости?» Все, что у насъ есть футуристическаго, такъ это программа футуристовъ.

Футуризмъ? Что такое футуризмъ? Ахъ, старый вопросъ, настолько старый, что объ этомъ даже Яблоновскій не пишетъ. Да вѣдь теперь даже въ кафе-шантанахъ съ эстрады кокотки, декольтированныя по Баксту, распѣваютъ:

Футуризмъ! Что такое?
Что такое футуризмъ?
на мотивъ:
Любовь! Что такое?
Что такое любовь?

И вотъ, имитируя шансонетокъ, критики тоже декольтируются по невѣжеству и поютъ: Футуризмъ! Что такое! — А за ними, подвирая, тянетъ и весь хоръ акмеистовъ и подсимволятъ.

Футуризмъ, по ихъ мнѣнію, это гимнъ машинамъ, авто, биржамъ, аэро, жизни, взорванной моторами. Футуризмъ въ жизни — это скандальчикъ.

Ахъ, какъ хочется Чуковскому скандальчика! Миленькіе, тянетъ онъ, ну хоть еще одинъ, маленькій хоть, но скандальчикъ!

Правда, это, не ново! Прежде купцы били зеркала, а подлипалы гоготали: А ну-ка Титъ Титычъ, еще разъ! Больно здорово у васъ это выходитъ! — Нынче Чуковскій подуськиваетъ: Футуръ Футурычъ! А еще разъ! А я въ «Русскомъ Словѣ» напишу сначала просьбу о скандалѣ, а потомъ о самомъ скандалѣ — и за все получу денежки.

Футуризмъ — это выдумка, но, надо отдать справедливость гг. критикамъ, они эту выдумку выдоили недурно. Читаютъ лекціи, пишутъ статьи, получаютъ деньги.

Фриче — объ истинномъ футуризмѣ, Невѣдомскій — объ истинномъ футуризмѣ, Осоргинъ — объ истинномъ футуризмѣ, Чуковскій — объ истинномъ футуризмѣ.

Что ни критикъ, то истинный футуризмъ, не простой, а истинный. Степень его истинности зависитъ отъ того, на какой сборъ расчитываетъ лекторъ: нельзя же на 250 р. изложить самый переистинный, за истину деньги особо. 606 истинныхъ футуризмовъ! И на каждомъ истинномъ футуризмѣ аншлагъ: всѣ билеты проданы. И о каждомъ истинномъ футуризмѣ анонсъ: только у меня свѣжій, у меня поистиннѣе! У Петра Ивановича футуризмъ съ присвистомъ! Всѣ не футуристы, футуризма нѣтъ, но футуризмъ нѣчто вродѣ Государственной Ренты, но только не 4%, а 100%. Я, право, глазомъ не повѣрилъ, когда прочелъ у Осоргина: Смерть футуризма. Ахнулъ: Батюшки, да что же они теперь дѣлать будутъ, неужели по міру пойдутъ, какъ ухудшится средній уровень нищихъ! Но потомъ понялъ, что это такъ только, для блезиру! Завтра воскреснетъ новый истинный футуризмъ какого-нибудь Кошкодавленкова! Прямо какое-то засиліе футуризмами, да еще истинными! Будущій Брокгаузъ на букву Ф напечатаетъ: Томъ 125. Отъ «Футуризмъ истинный по Невѣдомскому до Футуризмъ истинный по Осоргину», Т. 126. Отъ «Футуризмъ истинный по Фриче до Футуризмъ истинный по Чуковскому».

Я полагаю, что во всѣхъ объявленіяхъ о лекціяхъ, въ подзаголовкахъ статей изъ раза въ разъ повторяется опечатка: Не истинный футуризмъ, а прибыльный футуризмъ. Дешево и сердито. Мѣста отъ 30 коп. Лекція повторена не будетъ!

По всей Россіи какая-то кинемофильма: Бѣгъ критиковъ за футуризмомъ. Какъ прежде была: Бѣгъ тещъ за женихомъ. И теперь съ участіемъ Глупышкина, да не одного, а серіи Глупышкиныхъ. Смотрите всѣ: электрореклама—футуризмъ—средство противъ матеріальнаго безсилія. Чудесный поясъ. Нѣтъ больше бѣдныхъ. Критикамъ скидка. Высылается за три семикопѣчныхъ марки.

Но, ради Бога, что это такое:

«Истинный футуризмъ достигнетъ своего расцвѣта, когда онъ поставитъ на своемъ знамени идеалы рабочихъ массъ».

«Демократія — только въ ней нашъ удѣлъ, нашъ истиннофутуристическій бытъ.

«Конечно, футуризмъ перваго истиннаго футуриста—Уольта Уитмана — возникъ въ сутолокѣ демократическихъ массъ».

И всѣ испугались. Не испугались только полтора гимназиста. Они вспомнили, что и они были прежде глупые. Бѣгали въ приготовительномъ классѣ и кричали: да здравствуетъ свобода! А когда ихъ спрашивали, что такое конституція, они отвѣчали: ну, конечно, знаемъ, это жена Константина. Потомъ въ пятомъ классѣ завели журналъ и писали разсказы про голодающаго мужичка и стишки, гдѣ особеннымъ шикомъ почиталось срифмовать: на бой — съ кровавой тьмой! Но теперь они уже поумнѣли и поняли, что быть демократомъ нужно умѣючи, что нуженъ талантъ для того, чтобы быть демократомъ. А главное поняли, что говорить о демократичности въ искусствѣ ничуть не умнѣе, чѣмъ требовать демократическихъ выводовъ отъ четыреугольника, и что искусству выставить на своемъ знамени идеалы рабочихъ массъ также немыслимо, какъ треугольнику придать квадратную форму. Поняли, что нельзя требовать отъ думскаго оратора, чтобы онъ излагалъ въ хорошихъ стихахъ свой проектъ обложенія фоксовъ въ Средней Азіи, а отъ поэта, чтобы онъ въ стихи вставлялъ идеалы рабочихъ массъ, какъ это дѣлалъ Скиталецъ или Танъ.

Кстати, я не удивляюсь, что всѣ истиннофутуропитающіеся позабыли первый лозунгъ русскихъ футуристовъ «о свободномъ словѣ прежде всего». Они не поняли его, рѣшили, что свободнымъ словомъ можетъ быть только новое, безсмысловое слово, не поняли и рѣшили на всякій случай вообще отвергнуть всѣхъ футуристовъ, а самимъ подмѣнить футуризмъ суррогатомъ, настойкой на Эрфуртской программѣ.

Кстати, Чуковскій такой пристальный критикъ, пишетъ уже давно, а до сихъ поръ не замѣтилъ, что невѣжественные наборщики все время коверкаютъ его фамилію и набираютъ — Чуковскій. Это явное издѣвательство надъ человѣкомъ! Мнѣ искренно жалко Чуковскаго, и я прошу всѣхъ наборщиковъ запомнить разъ навсегда, что въ словѣ Чуковскій есть намекъ на индивидуальность, а настоящая его фамилія, конечно, Чуковскихъ. Чуковскихъ — это что-то собирательное, вродѣ того, какъ лѣсъ, состоящій изъ деревьевъ, ну, что ли, изъ дубовъ или изъ осинъ.

Впрочемъ, пусть критики еще пару мѣсяцевъ поживятся на счетъ футуризма. Вѣдь каждому ясно, что не будь сейчасъ футуризма, критики бы перемерли съ голоду. Вѣдь о Кузминѣ или Гумилевѣ больше пяти строкъ никакъ не напишешь, а на пять строкъ въ мѣсяцъ не проживешь. Ясно, что критики на содержаніи у футуризма; и футуризмъ даетъ имъ немало на мелкіе расходы. А что, если футуризмъ пойметъ, что за свои деньги онъ и не такихъ на содержаніе можетъ взять!

Вадимъ Шершеневичъ.

УТОПІЯ.

Теперь стало моднымъ «замалчивать». Куда бы Вы ни пошли, всюду слышите три таинственныхъ, три модныхъ, самыхъ модныхъ слова: танго, футуризмъ, замалчивать. Всѣ дамы полусвѣта на перебой тангируютъ, всѣ поэты наперебой хотятъ стать «самыми футуристами», всѣ газеты наперебой предлагаютъ замалчивать. Особенно модно — замалчивать футуризмъ.

Признаемся, что мы слегка удивились, услыхавъ это предложеніе со страницъ «Русскихъ Вѣдомостей». Намъ казалось, что именно эта газета всегда протестовала противъ замалчиванія жизненныхъ фактовъ. Мы готовы были упрекнуть газету въ нелогичности, потому, что при всемъ уваженіи къ ея профессорскому составу, мы не признаемъ за ней права создавать новую логику. Для такого созданія надо, прежде всего, обладать нѣкоторымъ талантомъ.

Вслѣдъ за «Русск. Вѣдомостями» и «Русское Слово» предложило: не писать о футуризмѣ. Замалчивать футуристовъ. Футуристы увидятъ, что о нихъ не пишутъ, и перестанутъ кривляться и гаерничать.

Потомъ еще какая-то газетка предложила «замалчивать» и пошло, и пошло.

Одна типографія, желая заслужить безсмертіе (т. е., попасть на страницы «Русск. Богатства»), предложила вообще сломать въ своихъ шрифтахъ букву «Ф», чтобы окончательно соблазна не было; однако, кто-то объяснилъ, что сотрудники могутъ написать «футуризмъ» черезъ «Ѳ», такъ какъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать отъ сотрудниковъ ежедневной (кромѣ дней послѣпраздничныхъ) прессы, чтобы они помнили грамматику, пройденную еще въ городскомъ училищѣ и проданную букинисту.

Нашелся цѣлый кадрь рецензентовъ. Они приходили въ редакцію и говорили: «Дайте мнѣ работу. Я о футуризмѣ и не заикнусь. Мнѣ еще папенька запретилъ. У меня и въ публикаціяхъ такъ сказано: Ищу мѣста одного рецензента, безъ футуризма. Умѣю готовить по Брокгаузу. Личная рекомендація Греча, Булгарина, Измайлова, Игнатова, Рогачевскаго».

Получивъ работу эти рецензенты писали о Бунинѣ, о пьянствѣ, о Бальмонтѣ, о вредѣ путешествій для творческой дѣятельности. Излюбленной темой было: Еще нѣсколько словъ о нарывѣ въ глазу кита, жившаго въ 17-омъ столѣтіи около береговъ Гренландіи.

Правда, нѣкоторые порывались все же написать о чемъ-нибудь по новѣе, но ихъ немедленно дисквалифировали за ренегатство либерализму. Къ тому же имъ говорили, что на новыхъ темахъ легко ошибиться. Приводили въ примѣръ Игнатова. Человѣкъ почтенный, внесенъ въ 45 томъ «Продолженія перечня ненужныхъ людей», а написалъ объ одномъ акмеистѣ: въ его стихахъ есть непріятная реальность, и всѣ стали упрекать, что критикъ «Рус. Вѣд.» не знаетъ разницы между реальностью и реализмомъ. Впрочемъ, «Рус. Вѣд.» вообще привыкли къ недоразумѣніямъ. Напишетъ кто нибудь: Футуристы-футболисты,—а читатель сразу упрекаетъ газету въ бульварномъ остроуміи и недоумѣваетъ: какъ это статья Бурнакина изъ «Нов. Врем.» попала въ «Рус. Вѣд.». Посмотримъ подпись: Козловскій—и сердится: До чего доводитъ англоманія; теперь не знаешь, какъ читать; пишется Козловскій, а выговаривается—Бурнакинъ.

Однимъ словомъ, газеты начали замалчивать футуризмъ. Да еще какъ замалчивать, артистически замалчивать. На первой страницѣ каждаго №заглавнымъ курсивомъ: Мы о футуристахъ принципіально не пишемъ. Мы дѣйствительные члены Всероссійской Трудовой Коопераціи Замалчиванія Футуризма въ Періодической Печати.

Словомъ, совсѣмъ перестали упоминать о футуристахъ.

Ну, и футуристы увидали, что ихъ дѣло плохо. Подумали, а думать они умѣли, такъ какъ ни въ какомъ родствѣ съ Яблоновскимъ не состояли, и слово «Корнѣй» не въ примѣръ Яблоновскому, черезъ ять писали, подумали и перестали писать. Охота намъ была, говорятъ, трудиться, выискивать новые методы, изобрѣтать новые размѣры и ассонансы! Мы какъ нибудь попроще обойдемся, по Бальмонтовски. Съѣздимъ на самый южный мысъ самаго сѣвернаго острова Западо-Восточнаго Архипелага, запишемъ тамъ 33 преданья, вернемся домой, устроимъ себѣ пару чествованій (съ ужиномъ

и безъ ужина, съ подпиской и безъ подписки) да и начнемъ издавать сборники: Вицлипуцли. Майорійскія сказанія. Такъ и стали дѣлать. Стали риему «народъ—впередъ» скитать блестящей. Помилуйте, говорятъ, и тамъ и тамъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, въ начертаніи кое-что общее, а главное внутренній смыслъ какой!

И все пошло по хорошему. Издавалась «Исторія русской литературы» (вотъ уже не помню подъ чьей редакціей: не то Вербицкой и Брешко-Брешковскаго, не то Айхенвальда и Коганъ). Коганъ упрекалъ Брюсова въ незнаніи русскаго языка, Айхенвальдъ въ 2456 томѣ утверждалъ, что во всякомъ творчествѣ самое главное—это минутное интуитивное озареніе. Къ каждой страницѣ были сдѣланы сноски: «Въ Россіи было только два поэта—Александръ Пушкинъ и Иванъ Бунинъ». Сноски были подписаны таинственными инціалами—Ив. Б.

«Рус. Вѣд». давали объ этихъ томахъ отличные отзывы, при разборѣ Тютчевскаго стихотворенія дѣлая почтенный экскурсъ въ область славянскихъ отношеній того мѣсяца, которымъ датировано было это стихотвореніе. Все стало мирно. Россія была признана благополучной по футуризму. «Раннее Утро» стало оффиціозомъ Академіи Наукъ. Даже Чуковскій умеръ съ голоду. Не кого стало бранить. А. Чуковскій безъ брани—анохронизмъ, фикція противорѣчащія понятія, какъ «вертикальный горизонтъ» или «интересный № Рус. Вѣдомостей».

Однако число читателей въ Россіи значительно уменьшилось (число подписчиковъ у «Утра Россіи » пало въ 27 до $11^1/_2$); скучно читать ежедневно газету, когда знаешь, что она за неимѣніемъ новостей печатается разъ въ годъ на Ивану Купала, а потомъ выпускается съ разными датами.

Такъ, періодическая печать, жертвуя собой, спасла Россію отъ футуризма.

Съ этой стороны мы, конечно, привѣтствуемъ проектъ нашихъ критиковъ, увѣренные, что Утопія Томаса Мора ничто рядомъ съ Утопіей г-жи Прессы. Мы даже согласны забыть, что обращеніемъ всей литературы въ мумію уже издавна занимались «Мусагетъ», «Аполлонъ» и «Шиповникъ». Этотъ проектъ несомнѣнно урегулируетъ нашъ капиталистическій строй и поможетъ болѣе правильному распредѣленію доходовъ. Вѣдь со скуки можно купить книги П. Я. или Городецкаго, и при нѣкоторомъ самогипнозѣ (Сила внутри

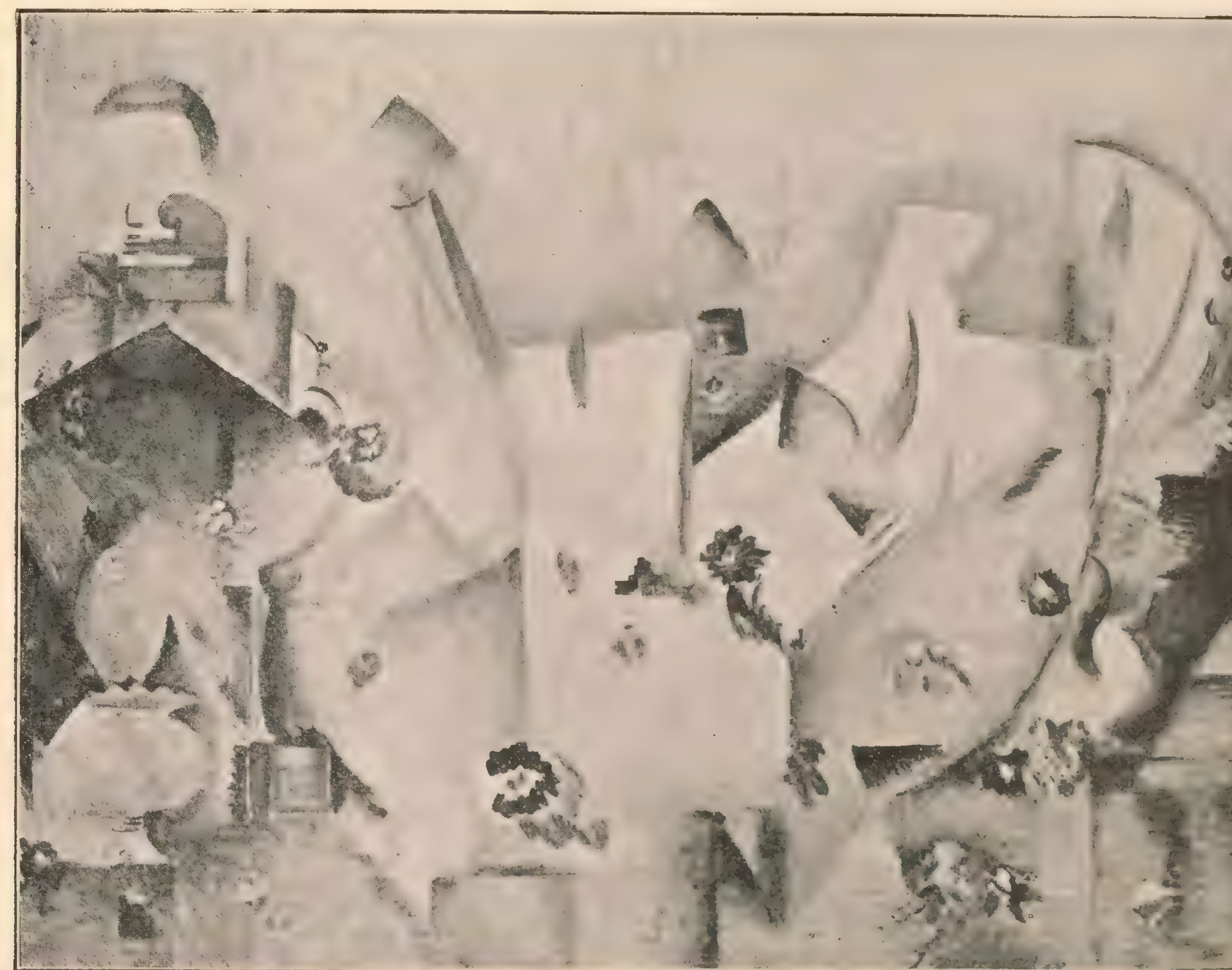
насъ.Высылается за три семикопеечныя марки) можно убѣдить себя, что эти стихи. Вотъ съ этой то стороны мы и привѣтствуемъ либеральныя тенденціи вѣчно-юныхъ, бодрыхъ и оригинальныхъ «Русскихъ Вѣдомостей».

Георгій Гаеръ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ Г-НУ ОСОРГИНУ.

Въ своей статьѣ «Закатъ футуризма» г. Осоргинъ сообщаетъ, что Россія—это такая страна, «гдѣ всякому новому разумному или *вздорному* слову широко открыты двери». Добавимъ: поэтому въ Россіи «Вѣдомости» называются *русскими*, поэтому имъ двери широко открыты для словъ г. Осоргина, поэтому г. Осоргинъ излагаетъ свои мысли словами, а не спичечными коробками или булыжникомъ изъ мостовой, т. к. въ самомъ дѣлѣ Россія не такая же ужъ вздорная страна, что въ ней широко открыты двери даже для вздорныхъ булыжниковъ. Далѣе г. Осоргинъ подводитъ итоги умершему (sic!) футуризму, сообщаетъ, что «Габріэль д'Аннунціо, по собственному подсчету, ввелъ въ литературный языкъ до 15 тысячъ новыхъ словъ», радуется, что отечественные футуристы не выдвигаютъ политической платформы, и высказываетъ еще цѣлый рядъ подобныхъ откровеній. Конечно, мы далеки отъ того, чтобы критиковать содержаніе статей г. Осоргина, ибо оно для «Русскихъ Вѣдомостей» вообще не является обязательнымъ, но не можемъ не порадовать ликующаго вздорописца слѣдующими сообщеніями. Футуризмъ для Васъ, г. Осоргинъ, не могъ умереть по той простой причинѣ, что онъ родился лишь для умныхъ и культурныхъ людей; затѣмъ: у насъ Василискъ Гнѣдовъ, «по собственному подсчету, владѣетъ въ минуту 66,000 словъ» (развѣ насъ удивишь такимъ-то д'Аннунціо), соборный протодьяконъ въ г. Усть-Сысольскѣ ходитъ разъ въ мѣсяцъ въ баню, московскій союзъ водопроводчиковъ и канализаторовъ не предполагаетъ устроить юбилейнаго чествованія «Русскихъ Вѣдомостей», а г.г. Фриче и Козловскій, выступивъ оппонентами на докладѣ г. Закржевскаго и вывернувшись тамъ на изнанку, причемъ обнажился скрытый въ ихъ глубинахъ Сергѣй Яблоновскій, благополучно продолжаютъ сотрудничать въ уважаемой газетѣ.

Egyx.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГГ. ЛУНАЧАРСКОМУ, ФИЛОСОФОВУ НЕВѢДОМСКОМУ.

Я, къ счастью, знаю, что такое взрослый столичный интеллигентъ. Я вижу его слѣды въ жизни. Со дня рожденія до смерти онъ проходитъ путь измѣны и, забывъ тайну своей жизни, вѣритъ въ „реальность".

Его ведетъ рука машиннаго разума, и не знаетъ онъ что его „да"—„адъ" для дѣтства. Постепенно вытравилась душа въ парахъ каменнаго мозга, и онъ мертвъ,—что намъ до него, но это нашъ „критикъ". Онъ пишетъ о чемъ угодно, но, конечно, больше всего о живописи и литературѣ, и вотъ—душа поэта, ищущая загадки и бюро похоронныхъ процессій и шума вѣтра, налагающая заклятіе на каждый день,—во власти механизма, который забылъ, что, можетъ-быть, сегодня его послѣдній день.

И вотъ, пока не пресѣклась ихъ жалкая жизнь среди заботъ о „днѣ", я попытаюсь усовѣстить эти само-увѣренныя ожесточенныя души.

Гг. Философовъ, Луначарскій, Невѣдомскій и юный Левинъ!!!

Вотъ вы—взрослые умные люди, много жили и думали и, по всей вѣроятности, знаете, что некрасиво и глупо говорить о томъ, чему чуждъ и чего представить не можешь.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ! А вы поступаете еще хуже! Публицисты на листахъ всѣхъ газетъ, вы нисходите до грубыхъ и некультурныхъ пріемовъ. Послушайте, напр., г. Философова.

„Но на Бурлюковъ надежды нѣтъ никакой. До такой степени пошло и глупо все, что они пишутъ. И главное не смѣшно. А до крайности скучно, потому что на этой литературѣ „сконца" лежитъ печать скудоумія и вырожденія. Такое зрѣлище всегда тягостно, такъ какъ тягостно смотрѣть на полубезумнаго ловкача Щетинина, смущающаго малыхъ силъ".

Неужели послѣ этого мы не будемъ видѣть въ вашихъ писаніяхъ только цинизмъ зазнавшихся лакеевъ литературы.

Вы ругаете и унижаете моего брата Давида Давидовича, меня самого и нашихъ милыхъ друзей: Хлѣбникова, Маяковскаго, Лившица, и все потому, что вы не чувствуете поэзіи и никогда не были поэтами. И вотъ мы, „дѣти" по вашему мнѣнію, а по мнѣнію нѣкоторыхъ маленькихъ философовъ „сумасшедшіе и шарлатаны", просимъ на минутку оставить возжи общества и послушать насъ, „хулигановъ" и „безумцевъ".

Вы, воспитанные подъ знаменемъ свободы слова со знаніемъ діалектики и умѣстности сказаннаго, стараетесь убѣдить вашихъ читателей, что мы подонки Нашей родины. Какъ низкіе и невоспитанные люди, вы, „дѣлатели русской свободы", прибѣгаете къ пріемамъ вродѣ Нордау и д-ра Баженова, опозорившихъ себя идіотическими надругательствами надъ символистами. Одно дѣло сказать, что Блоки и др.—портные и имъ нужна дача на рѣкѣ.— Это Вашъ чинопочитающій умъ прекрасно понимаетъ, но прибѣгать къ провокаторскимъ пріемамъ, пріемамъ, которые не находятъ другихъ словъ, кромѣ ругательствъ и инсинуацій — это недостойно людей.

Если бы вы тонули, я не пожалѣлъ бы жизни, спасая васъ, а вы намъ говорите грубости. Можетъ-быть, я буду съ вами знакомъ, и тогда вы поймете разницу между двумя типами выраженій. Нѣкоторые изъ васъ борцы за свободу религіи и труда и—вотъ какое позорное противорѣчіе!! МЫ, ВАШИ БРАТЬЯ, а вы насъ оскорбляете и унижаете за то, что мы не рабы и живемъ свободой. И если за нами идетъ молодежь нашей родины, то это ваша вина—вы были и есть азіаты, губящіе все молодое и національное. Вы лицо той старой Россіи, которая пережила 1905 годъ--въ васъ душа гонителей истиннаго искусства—духовныхъ крѣпостниковъ Бѣлинскаго, Писарева, Чернышевскаго.

Вы жалуетесь на реакцію и безвременье!—Вы же ихъ создали! Зная вашъ нравъ—ваши политическіе противники могутъ ничего не бояться—рука руку моетъ: они угнетаютъ тѣло, вы—духъ.

Вы хуже и опаснѣй черной сотни,—она не скрываетъ своего дикарства и изувѣрства, вы-же одѣваетесь въ манишку западничества и образованности fin du siècle и дѣйствуете не прямо, а исподволь. Особенно это характерно для гг. Левина и Невѣдомскаго. Первый ретиво взъѣлся на Тана и за что, послушайте-ка:

„Но что собственно плѣнило Тана у футуристовъ, помимо „пылающихъ глазъ Бурлюка" и огнедышащей горячности диспутантовъ?

Плѣнили еще... „колокольчики".

Господинъ Левинъ пораженъ въ глубину сердца тѣмъ, что не всѣ такъ фальшивятъ, какъ онъ, (несмотря на муз. задатки) посему изрекаетъ:

„Но мнѣ даже фортепіано „Литературки", усыпившее Тана, все-таки разнообразнѣе и богаче, чѣмъ однообразная, монотонная бойкость валдайскаго „колокольчика", даже если присоединить къ ней ухарское треньканье балалайки".

У Левина не хватаетъ порядочности даже на то, чтобы процитировать вѣрно, и онъ губитъ Тана передержкой.— Онъ забылъ, что ему нужно сперва прочесть 25 томовъ Брюсова. Невѣдомскій не отстаетъ отъ Левина и ловкимъ вывертомъ руки пытается потопить г. Брюсова, а съ нимъ и весь символизмъ.

„Бурлючество",—разрѣшите мнѣ такой сокращенный терминъ,—усыновлено г. Брюсовымъ отъ лица „символизма" вообще. Символистовъ онъ называетъ безъ обиняковъ „прямыми предшественниками футуристовъ", и чисто-отечески журитъ послѣднихъ за игнорированіе этой преемственности, за отреченіе отъ своего „роду-племени"...

Никому, конечно, не дано такъ чувствовать всѣ таланты.

. . . .

. . . .

Н. Бурлюкъ.

Конецъ статьи Н. Бурлюка не могъ быть напечатанъ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. *Ар. ред.*

ВЪ ЗАЩИТУ ОТЪ ОДНОГО ЛЯГАНЬЯ.

Есть люди умные и есть люди глупые. Сергѣй Кречетовъ не принадлежитъ къ числу первыхъ.

Въ № 44 „Утра Россіи“ напечатана статья г. Кречетова о рядѣ новыхъ книгъ. Несмотря на то, что мои книги тамъ не разбирались, я съ удивленіемъ увидалъ свое имя, повторенное нѣсколько разъ.

Во вступленіи говорится, что „Вадимовъ Шершеневичей мѣряютъ гарнцами, какъ овесъ“.

При разборѣ книги Вадима Баяна повторяется“: Вотъ еще одинъ Вадимъ, тоже бездарный и тоже наглый“.

„Ахъ, псевдо-футуристическіе Вадимы“!

Говорится о книгѣ Горскаго и снова: „человѣку способному стыдно, имитировать обезьяну Сѣверянина, Шершеневича съ его пятачковымъ снобизмомъ“. [1]) „Не слѣдуетъ брать на прокатъ «шикарныхъ» хлыщевато-парикмахерскихъ позъ Вадима Шершеневича“ и т. д. еще цѣлый рядъ замаскированныхъ брыканій.

Я, конечно, далекъ отъ гордой мысли, что всю русскую поэзію можно оцѣнивать, только сравнивая со мной; также далекъ и отъ мысли возражать на чепуху критика.

Вѣдь, если г. Кречетовъ назвалъ меня „обезьяной“, а я въ отвѣтъ скажу, что самого критика тоже можно сравнить съ

[1]) Что такое не пятачковый снобизмъ, объ этомъ все въ той-же статьѣ повѣствуетъ тотъ же Кречетовъ: „Высокимъ людямъ къ лицу цилиндръ... Смуглая дама весьма осторожна по части бѣлилъ и розовой пудры, дабы ея носъ не казался лиловымъ.“ Право я начинаю думать, что „Маленькая Маркиза“ въ „Женскомъ Дѣлѣ“, дающая интимные и косметическіе совѣты дамамъ, ни что иное, какъ псевдонимъ г. Кречетова.

однимъ животнымъ, умъ у котораго замѣненъ длиной ушей— то врядъ ли эта полемика будетъ интересна.

Я просто хочу объяснить „благородный и безкорыстный“ гнѣвъ домашняго Юпитера. Въ одномъ изъ недавнихъ № газеты „День“ была моя статья, обличающая г, Кречетова въ плагіатѣ. Въ этой статьѣ былъ данъ параллельный текстъ, а на это, конечно, возразить нельзя ничѣмъ инымъ, какъ простою бранью.

Впрочемъ, на этотъ разъ въ статьѣ С. Кречетова есть цѣлый рядъ недурныхъ свѣдѣній. Такъ, напр., „человѣкъ, обладающій головой, сумѣетъ выбрать и въ предѣлахъ моды то, что идетъ собственно (?) ему“ или „мудрая есть россійская поговорка: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“. Но особенно цѣнно слѣдующее свѣденіе: „Модернисты глядѣли свысока на всякую срединность.“ Это послѣднее объяснило намъ презрительно-высокомѣрное отношеніе В. Брюсова и др., „модернистовъ“ къ г. Кречетову.

Что-же касается сущности Кречетовскихъ на меня нападалъ—о мнимой моей зависимости отъ Сѣверянина—то вѣдь въ этомъ № напечатаны мои стихи и всякій можетъ узнать: какой пробы ложь Сергѣя Кречетова. Ахъ, г. Крррречетовъ— мало быть критикомъ, надо быть еще умнымъ человѣкомъ.

Вадимъ Шершеневичъ.

ДУБИНА НА ГОЛОВЪ РУССКОЙ КРИТИКИ.

(Разоблаченіе клеветы).

КОПРОЛИТИЧЕСКІЙ МОНУМЕНТЪ.

Очередное пояснячанье г. Чуковскаго на Тенишевской эстрадѣ—явленіе слишкомъ заурядное и прѣсное, чтобы стоило говорить о немъ серьезно, безъ обычной веселости, невольно овладѣвающей всякимъ при воспоминаніи о рѣзвомъ би-ба-бо россійской критики, не будь послѣдній трюкъ его отмѣченъ чертою, показательной для нашего «сегодня»—и объ этомъ нѣсколько словъ. Казалось бы, не литературная честность, такъ профессіональный навыкъ долженъ былъ бы подсказать милому мальчику необходимость полагать грань между лозунговыми выступленіями футуризма и его художественными достиженіями. — единственный канонъ дѣятельности г. Чуковскаг о на поприщѣ просвѣщенія обывателя, а посему послѣднему безъ зазрѣнія совѣсти преподносится Крученыховскій «белятокіяй» подъ видомъ альфы и омеги футуристическаго искусства.

Конечно авторъ «дыр.—бул—щыл», а—поэтъ не безынтересный, поэтъ съ довольно острымъ пониманіемъ момента, но сосредоточивать вниманіе на Крученыхъ, какъ на центральной фигурѣ русскаго «кубо-футуризма» значитъ, прежде всего, вызывать удивленіе и смѣхъ въ рядахъ самихъ же «кубофутуристовъ». Почему дѣлаетъ это г. Чуковскій — неужели изъ одного лишь, столь свойственнаго ему, легкомыслія? Это можно было бы предположить и на этомъ покончить, если бы критическія упражненія г. Чуковскаго

ограничивались только литературной копрофагіей (бѣдняга, съ какимъ аппетитомъ набросился онъ на крученыховскіе «испарь свинины» и «навозъ»!). Но процитировавъ Хлѣбниковское «заклятіе смѣхомъ» и (ахъ, этого нынче требуетъ немного запоздавшая литературная мода!) объявивъ Хлѣбникова геніальнымъ, би-ба-бо дѣлаетъ неожиданно—крутой выверть. Хлѣбниковъ оказывается явленіемъ случайнымъ, никакими связями съ русскимъ (и, вообще, со всякимъ) футуризмомъ не связаннымъ, нисколько для него не характернымъ. Конечно, только совершенное непониманіе поэзіи Хлѣбникова, только приниженіе его геніальнаго словотворчества до уровня простыхъ суффиксологическихъ опытовъ можетъ привести къ подобному выводу. Великая заслуга Хлѣбникова—открытіе жидкаго состоянія языка, и что болѣе этого открытія связано съ общей концепціей футуризма? Въ указанномъ состояніи слова не имѣютъ еще точнаго, законченнаго смысла, но, еще недавно фосфены—музыка сѣтчаткій!—теперь уже флюиды—ея пластика!—мѣняющія легкую свою форму въ постоянномъ приближеніи къ вещамъ «реальнаго» міра и въ постоянномъ отъ нихъ удаленіи. Тайная ирраціональная связь вещей для насъ отнынѣ не боль нѣмоты, но радость перваго нареченія. На грани четвертаго измѣренія—измѣренія нашей современности—можно говорить только Хлѣбниковскимъ языкомъ. Но понять ли это критику—копрофагу, съ суетливымъ лукавствомъ воздвигающему свой копролитическій монументъ великому генію русской поэзіи?

Бенедиктъ Лившицъ.

ПОЗОРНЫЙ СТОЛБЪ РОССІЙСКОЙ КРИТИКИ.

(Матеріалъ для исторіи русск. литературныхъ нравовъ).

Въ 1910 году вышла книга «Садокъ Судей» (I)—въ ней геніальный Викторъ Хлѣбниковъ всталъ во главѣ русской новой лит. Въ этой книжкѣ, напечатанной на обояхъ, впервые былъ указанъ новый путь поэтическаго творчества. Истекшій 1913 годъ былъ историческимъ—участники (I) Садка Судей, съ присоединивш. къ нимъ Влад. Маяковскимъ, Б. Лившицемъ, А. Крученыхъ выпустили книгу: «Пощечина Общественному вкусу», гдѣ принципы футуризма=обновительнаго теченія въ литературѣ были выявлены силой необычнозначительной. Несомнѣнно: Футуризмъ въ Россіи офиціально былъ учрежденъ этой книгой. Открыты новыя доли, новыя возможности. Принципъ свободы поэтическаго творчества—заявленъ гордо и непреклонно.

Русская пресса гордится своимъ свободолюбіемъ и прогрессивностью. Она казалось бы съ радостью должна была бы встрѣтить этотъ порывъ молодой литературы къ духовной свободѣ=внѣ рабскаго преклоненія предъ авторитетами затхлыми и гнилыми. (Отрицаніе Корифеевъ прошлаго, низверженіе литературныхъ «столбовъ» современности). Да конечно=должна бы»...

Но... оглянемся на истекшій 1913 г. вотъ—«дѣла» тѣхъ, кто былъ поборникомъ свободнаго развитія духовныхъ творческихъ силъ. Предъ нами груды газетныхъ вырѣзокъ—ушаты помой, клевета—сатанинская злоба, нечистоплотность передержки. Homunclus'ы, Чеботаревскія, Левины, Яблоновскіе, Фриче, Таны, Бобровы, Измайловы, Войтоловскіе, Луначарскіе, Невѣдомскіе, Философовы и безчисленные скрывшіеся подъ Н. С.; Э. Р.; П. А.; Senior и т. п. (неуловимы, какъ микробы) подняли свой голосъ противъ свободы художественнаго творчества. Завыли о ниспроверженіи Ли-

тературн. авторитетовъ—называя к.-к., напр., прославленный Гр. Петровъ или Маркъ Криницкій, новое искусство (все безъ изъятія)!! Хулиганствомъ!! да Хулиганствомъ... все самое свѣжее молодое, доброе, чистое; о, позоръ!.. на головы такой критики...

И вотъ, чтобы не быть голословнымъ мы должны, считаемъ своимъ долгомъ привести куски ужасные, грубые этого лая изъ критическаго лагеря нашихъ «друзей». Пусть эти отрывки сохранятся для будущаго—ну, хотя бы, какъ матеріалъ для характеристики литературныхъ враговъ нашего вѣка. Вѣдь, гдѣ же даже теперь уже найти эти перлы—эти цѣнности ежедневныхъ дующихъ негодныхъ волынокъ критическаго «сегодня»... Въ грудѣ старыхъ газетъ все исчезнетъ... Ругавшій завтра, будетъ пресмыкаться неуязвимымъ у ногъ уже признаннаго творчества. Мы считаемъ своимъ долгомъ заклеймить—Россійскую критику—«къ позорному столбу»! русскую критику 1913 года.

Первыя выступленія футуризма были встрѣчены съ паническимъ животнымъ страхомъ со стороны газетной и журнальной критики: чувствовали, что пришелъ конецъ мухамъ и тараканамъ; бѣгали и выли отъ ужаса: «вандалы»!.. «гунны» «все погибло»...—Затѣмъ стали искать выхода спасенія и съ теченіемъ времени животный страхъ какъ будто исчезаетъ, уйдя вглубь, въ подсознаніе, откуда окольными путями порывается къ прежнему: къ уничтоженію новаго явленія, такъ неожиданно, такъ жестоко разрушившаго недавній косный ладъ. Нужно убѣдить самого себя, что новое не страшно, эфемерно, не ново. Все это, молъ, мы уже переживали не разъ, а міръ оставался и остается на прежнемъ мѣстѣ. Въ этомъ процессѣ безсознательнаго обезцѣниванія сходится не одинъ десятокъ присяжныхъ цѣнителей искусства.

«У цирковыхъ клоуновъ среди другихъ есть заученный пріемъ комизма. Клоунъ выходитъ съ доской, устроенной на подобіе мѣховъ и издающей при ударѣ гулкій звукъ на весь циркъ. Изловчившисъ, онъ замахивается на товарища и шлепаетъ доской изо всей мочи по собственной благородной щекѣ. Паяцъ озадаченъ, раекъ гремитъ, звонъ оплеухи гудитъ подъ самымъ потолкомъ, «Ахъ, какой я глупый оселъ!»—обижается на себя клоунъ, и давитъ клюкву на набѣленной щекѣ.

Пощечиной по собственной физіономіи прозвучала книжечка про-

зы и стиховъ молодыхъ эксцентриковъ,—двухъ Бурлюковъ, Хлѣбникова и др., озаглавленная: «Пощечина общественному вкусу».

Сѣрая бумага, въ какую завертываютъ въ мелочной лавкѣ ваксу и крупу, обложка изъ парусины цвѣта «вши, упавшей въ обморокъ», заглавіе, тиснутое грязной кирпичной краской,—все это, намѣрено безвкусное, явно расчитано на ошеломленіе читателя. Если ужъ послѣ этого онъ не разинетъ рта,—очевидно, надо отказаться отъ всякихъ попытокъ его озадачить.

Что передъ этимъ розовая бумага былыхъ декадентовъ, слова безъ еровъ, или изображенія поэтовъ съ крыльями демона. Теорія «благого мата» здѣсь доведена до предѣльной точки. Если теперь не замѣтятъ,—надо ложиться въ гробъ и умирать. Довольно метать бисеръ передъ свиньями!

Мы хохотали недавно надъ выставкой «Союза молодежи», надъ этой смѣхотворной мазней кубическихъ лицъ, четырехъугольныхъ цвѣтовъ и людей, точно свинченныхъ изъ точеныхъ стальныхъ частей. Въ «Пощечинѣ»—дана словесная мотивировка этихъ дикихъ новшествъ.

Мечта этой молодой компаніи — «бросить Пушкина, Достоевскаго, Толстого, проч., и проч. съ парохода современности», стащить бумажныя латы съ Брюсова. Эта кучка поучаетъ: «вымойте ваши руки, прикасавшіяся къ грязной слизи книгъ, написанныхъ безчисленными Леонидами Андреевами!»

Таковъ манифестъ новаго искусства, подписанный именами: Д. Бурлюка, А. Крученыхъ, В. Маяковскаго и В. Хлѣбникова. Долой Пушкина и да здравствуетъ Бурлюки!..

Воинственная горсточка идетъ на бой и нестерпимо стучитъ игрушечными сабельками. Она смертельно разобижена тѣмъ, что ея не замѣчаютъ, что о ней молчатъ. Ни парусинная обложка, ни сѣрая бумага, на которыя возлагалась роль краснаго плаща, никого не приводятъ въ бѣшенство. Никто не сердится, никто не возмущается. А они такъ надѣялись!..

Какое несчастье опоздать, какая досада притти въ хвостѣ! Бурлюкъ и его компанія запоздали не на день, не на мѣсяцъ, а по меньшей мѣрѣ, на 15 лѣтъ. 15 лѣтъ назадъ у нихъ были всѣ шансы на успѣхъ.

Тогда точно такъ же на московскую улицу вышли первые декаденты и разложили по ней свои дѣтскія игрушки. И прохожіе оставливались, озадаченные, и критики метали громы, и шутники писали пародіи, и наивные люди, испугавшіеся за судьбу стараго искусства, тревожно обсуждали опасность, скрещивали старые заржавленные мечи съ жестянными сабельками проказниковъ, пѣвшихъ фіолетовыя руки.

Прошло много лѣтъ. Старое искусство стоитъ на своемъ мѣстѣ. Изъ нѣкоторыхъ шутниковъ вышли настоящіе серьезные люди. Давно брошенныя игрушки ихъ покрылись пылью. И вотъ пришли недоноски и вытащили ихъ снова и, надувъ щеки и пуская слюну, дуютъ въ старыя дудки и волынки.

Вся книжка новыхъ декадентовъ полна невѣроятными дикостями и намѣренными вычурами. Это не какія-нибудь исканія, а чистое дурачество. При всей готовности невозможно повѣрить въ «непосредственность» этого идіотства, и надо заподозрѣть его предвзятость. Вотъ, напр., «стихи» Маяковскаго:

Угрюмый дождь скосилъ глаза
А за
Рѣшеткой,
Четкой,
Желѣзной мысли проводовъ
Перина.
И на
Нее, легко встающихъ звѣздъ оперлись
Ноги.
Но ги-
бель фонарей,
Царей
Въ коронѣ газа,
Для глаза
Сдѣлала больнѣй враждующій
Букетъ бульварныхъ проститутокъ...

Велимірь Хлѣбниковъ вопрошаетъ:

Кому сказатеньки,
Какъ важно жила барынька
Нѣтъ, не важная барыня,
А такъ сказать лугушечка...

И надписываетъ это—«Опусъ № 14», а въ «Опусѣ №15» сюсюкаетъ.

На островѣ Эзелѣ
Мы вмѣстѣ грезили.
Я былъ на Камчаткѣ
Ты теребила перчатки...

Хлѣбниковъ помѣшанъ на производствѣ новыхъ словъ. Его разсказы полны «слезатыми слезинями», «міристѣющими птицами», «умрутными голубями», «старикатыми далями», «взоровитыми чашами».

Бенедиктъ Лившицъ самымъ дѣломъ сокрушаетъ Пушкина и культивируетъ такой русскій языкъ:

— «Долгіе о грусти ступаетъ стрѣлой. Желудѣютъ по канаусовымъ яблонямъ, въ попелъ оливковыхъ запятыхъ, узкія совы. Чернымъ объ опочившихъ поцѣлуевъ медомъ пусть восьмигранникъ, и коричневыми газетныя астры. Но такія. Ахъ, милый поэтъ, здѣсь любятся не безвременьемъ, а къ развѣяннымъ обладамъ. Это правда: я уже сказалъ. И еще болѣе долгіе, опепленные былымъ, гіацинтофоры декабря».

Вотъ синтаксисъ и этимологія Бедлама! Недавно въ научной книгѣ о помѣшанныхъ нѣкто г. Вавулинъ привелъ многочисленные отрывки изъ «литературы» больныхъ. Но куда же куцому до зайца! Тамъ есть и смыслъ,—здѣсь, у декадентскаго вывертыша, намѣренный подборъ безсмыслицы!

А. Крученыхъ насаждаетъ такую поэзію, попутно уничтожая даже знаки препинанія и прописныя буквы:

Офицеръ сидитъ въ полѣ
съ рыжею полей
и надменный самоваръ
выпускаетъ паръ
и свистаетъ
рыбки хлещутъ
у офицера
глаза маслинки
хищныя манеры,
губки малинки
глазки сѣры
у рыжей поли
брошка вѣеромъ
хорошо быть въ полѣ.

На сто двѣнадцати страницахъ несчастный наборщикъ набиралъ безнадежную, похожую на разсыпанный наборъ чепуху, вымученный бредъ претенціозно бездарныхъ людей, одно прикосновеніе къ которымъ, повидимому, заражаетъ бездарностью. «Идутные идутъ, могутные могутъ, смѣхутные смѣются,—пишетъ Хлѣбниковъ, и надъ нимъ смѣются даже не смѣхутные.

Да, игра кончилась, огни погашены, погремушки сломаны и брошены. На могилѣ заштатнаго декадентства копошатся послѣдніе эпигоны, печальные рыцари ослинаго хвоста, наполняютъ воздухъ запоздалой отрыжкой и только одни не сознаютъ, что не строятъ на ней что-либо новое, а забиваютъ въ нее послѣдній осиновый колъ».

А. Измайловъ.

ЗАБАВНИКИ.

«На островѣ Эзелѣ
Мы вмѣстѣ грезили.
Я былъ на Камчаткѣ,
Ты теребила перчатки.
Съ вершины Алтая
Я сказалъ: «дорогая»!

Если вамъ не нравится это милое стихотвореніе Велемира Хлѣбникова, есть прекрасное описаніе «Утра» Владиміра Маяковскаго:

Угрюмый дождь скосилъ глаза,
А за
Рѣшеткой,
Четкой,
Желѣзной мысли проводовъ
Перина.
И на
Нее легко встающихъ звѣздъ оперлись
Ноги.

«Что за чепуха»?—скажете вы. «Какіе такіе Велеміръ и Владиміръ и въ какомъ они желтомъ домѣ сочиняютъ?» Ничего подобнаго! Это просто веселые ребята, вздумавшіе позабавить себя и посмѣяться надъ другими, какъ двое изъ нихъ, Бурлюки, уже достаточно нахохотались надъ любопытными, не только забредшими

на выставку кубистовъ, но даже всерьезъ критиковавшими шутливую мазню «футуристовъ». Спѣшу, впрочемъ, извиниться передъ двумя Бурлюками и гг. Кандинскимъ и Крученыхъ, выпустившими надняхъ цѣлую книгу «футуристскихъ» стиховъ и прозы. Я назвалъ ихъ «веселыми ребятами», хотя, можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нихъ и перевалило за 50. Во всякомъ случаѣ жизнерадостный характеръ ихъ не покинулъ, и это настоящіе весельчаки, независимо отъ ихъ возраста и положенія.

Когда вчера въ маленькомъ кружкѣ мы весело перелистывали ихъ буфонаду, мрачный соціалъ-демократъ, сохранившій способность смѣяться лишь при проказахъ нашей дипломатіи, очень сочувственно встрѣтилъ строфу изъ стиховъ поэта А. Крученыхъ:

Офицеръ сидитъ въ полѣ
Съ рыжею Полей
И надменный самоваръ
Выпускаетъ паръ.

Не желая уступить г. Крученыхъ, другой весельчакъ угощаетъ прозой:

«Долгіе о грусти ступаетъ стрѣлой. Желудѣютъ по канаусовымъ яблонямъ, въ пепелъ оливковыхъ запятыхъ, узкія совы... И еще болѣе долгіе, опепленные былымъ, гіацинтофоры декабря».

Хотя эти футуристскіе «гіацинтофоры декабря» сильно напоминаютъ гоголевское «мартобря», я, увлеченный веселой книжкой, готовъ тоже пуститься въ поэтическій кубизмъ:

Плечами жми,
Но не прими
Двухъ Бур-
Люковъ
За дур-
Аковъ!
Иной напишетъ множество романовъ,
Но не набьетъ себѣ кармановъ,
И ничего
Не слышно про него,—
А тутъ
Въ минут-
У безъ труда
Получишь славу иногда.

И какую еще! Какой-нибудь критикъ, въ родѣ г. Бенуа, наморщивши чело, станетъ разбирать веселую чепуху въ стихахъ или красках, искать затаеннаго смысла въ тѣхъ колѣнцахъ, которыя выкидываютъ мистификаторы-забавники, и метать въ нихъ громы и молніи. Но я отъ души привѣтствую и Борлюковъ, и Дурлюковъ, и всѣхъ прочихъ футуристовъ, разыгрывающихъ эту веселую комедію».

Берендѣевъ.

ПОЭЗІЯ СВИХНУВШИХСЯ МОЗГОВЪ:

«Стихи» нѣкоего футуриста Маяковскаго:

«Угрюмый дождь скосилъ глаза
А за
Рѣшеткой,
Четкой,
Желѣзной мысли проводовъ
Перина.
И на
Нее, легко встающихъ звѣздъ оперлись
Ноги.
Но ги-
бель фонарей,
Царей
Въ коронѣ газа,
Для глаза
Сдѣлала больнѣй враждующій
Букетъ бульварныхъ проститутокъ»...

Еще «перлъ». Изъ поэзіи тоже «футуриста» Хлѣбникова: «Опусъ № 14»:

«Кому сказатеньки,
Какъ важно жила барынька
Нѣтъ, не важная барыня,
А такъ сказать лягушечка»...

А вотъ проза «футуристовъ». Morceau изъ произведенія русскаго писателя Лившица:

«Долгіе о грусти ступаемъ стрѣлой. Желудѣютъ по канаусовымъ яблонямъ, узкія совы. Чернымъ объ охочившихъ поцѣлуяхъ медомъ пусть восьмигранникъ и коричневыми газетныя астры. Но тихія.

Ахъ, милый поэтъ, здѣсь любятся не безвременьемъ, а къ развѣяннымъ облакамъ. Это правда: я уже сказалъ. И еще болѣе долгіе, опепленные былымъ, гіацинтофоры декабря»...

Словомъ, читать можно, только хорошо покушавши.

Но натощакъ принимать не совѣтуемъ».

Другъ .

«Желторотые мальчики издали въ этомъ году два сборника: «Пощечина общественному вкусу» и «Союзъ молодежи» (3 выпуска), въ которомъ они выявляютъ свое лицо, заявляя, что «только мы—лицо нашего времени».

Эти новаторы—типичные нигилисты. Все ихъ стремленіе сводится не къ тому, чтобы убѣдить читателя и зрителя въ подлинности ихъ переживаній и достиженій, сколько въ посрамленіи въ оскорбленіи этого зрителя и читателя.

Нигилисты прошлаго старались одѣваться возможно небрежнѣе и неряшливѣе, нигилисты настоящаго, въ лицѣ авторовъ «Пощечины общественному вкусу» приложили всѣ усилія къ тому, чтобы возможно небрежнѣе и безграмотнѣе издать книгу... Упразднили знаки препинанія и ореографію. Напечатали книгу на сѣрой бумагѣ, завернули вмѣсто переплета въ холстину...

Еще годъ, два и желторотыхъ мальчиковъ забудутъ... Вѣдь и теперь мало кто посѣщалъ ихъ выставку «Мишень», и они не продали ни одной картины, хотя М. Ларіоновъ и создавалъ работы въ духѣ изобрѣтенной имъ теоріи «лучизма»...

Перестали удивляться... Головокружительные номера гг. Бурлюковъ, Крученыхъ и К° уже больше не удивляютъ... Публика давно поняла, что это не исканія въ искусствѣ, а исканія популярности, жажда оригинальничанья и только... Но вѣдь это уже касается не области искусства, а области психологіи...

Это фигляры, а не творцы новыхъ цѣнностей, фигляры всегда помнящіе, что они стоятъ передъ толпой... Разница между ними лишь та, что фигляры забавляютъ публику, а гг. Бурлюки, Крученныхъ и Комп. дразнятъ ее»...

Н. Лаврскій.

Анекдотическое невѣжество газетныхъ борзописцевъ по необходимости приводитъ ихъ къ смѣшенію футуризма съ акмеизмомъ, акмеизма съ символизмомъ и т. п. Но читательская публика требуетъ свѣдѣній, хотя бы поверхностныхъ, о новыхъ теченіяхъ въ искусствѣ, и лакеи ежедневной прессы, трагически безпомощные въ этой области, въ погонѣ за увядающимъ вниманіемъ публики преподносятъ послѣдней цитаты съ отсебятинами въ стилѣ извозчичьихъ ругательствъ (Эръ), передержки (И. К.) или репортерски-добросовѣстныя описанія нашей наружности (Homunculus).

«Итакъ, современная литературная нечисть, воспользовавшись тѣмъ, чтоея наиболѣе достойныхъ представителей, своевременно не засодили въ сумашедшій домъ, ударились въ сторону акмеизма.

Стихъ, стиль, языкъ, риѳма и ритмъ,—все это въ поэзіи излишній балластъ.

«Верхомъ искусства» являются, стало-быть, шедевры Бурлюковъ, Хлѣбникова, Маяковскаго, Крученыхъ.

«Трепетва
Зарошь
Пѣязь
Нѣжва
Новязь»...

Это не бредъ буйнаго помѣшаннаго, какъ мы имѣли неосторожность полагать,—это:

Акмеизмъ.

Оказывается, эта белиберда-глубочайшее по идеѣ и замѣчательнѣйшее по формѣ стихотвореніе по сравненію съ бредомъ какого-нибудь нынѣшняго Маяковскаго или ему подобнаго «акмеиста»:

«Прыгнули первые кубы
Въ небѣ жирафій рисунокъ готовъ
Выпестришь ржавые чубы
Пестръ какъ фо-
рель сы-
Н,
Су-
Кин
Сын
Овляя лю-
бовь скрытая циф-

ерблатами ба-
шни шерсти клок
Аст
Лысый фонарь снимаетъ
Съ улицы синій чулокъ».

Позвольте-же и мнѣ превратиться, хотя-бы только на сегодняшній день, въ акмеиста.

Преподношу вамъ два собственныхъ перла—въ стихахъ и въ прозѣ,—которые отъ избытка чувствъ посвящаю акмеистамъ-профессіоналамъ.

«А, о, у
Ак-
меистъ ду-
Ракъ
Его въ су-
масшедшій домъ
всу-
нуть надо
Бурлюка потомъ
Въ придачу
На Канатчико-
ву дачу.
И знаете, что скажетъ свѣтъ:
Другого, вѣдь, спасенья нѣтъ»...

Теперь въ прозѣ:

«Варошь и Былязь съ Желвой у плаквы и Лепетва вѣчярится на вышестроенныхъ жирафіяхъ первыхъ кубовъ. Небытіе здравыхъ плюсъ мозги ржагоняетъ вывернуто минусъ разумъ отъ меня иди отъ на идіотѣ сидитъ и идіотомъ погоняетъ Помирву и Лепетва безсвязно кретина, тина, на, а всѣхъ лысыхъ кретиновъ и съ Буръ плюсъ лю-плюсками, которые осходятъ чернымъ паромъ, опи, погатые фокусники и наглые кивали на стол, а сѣна имъ не давали, дайте и и овса и гоните на конюшню храмязей и наглѣдирей и я сижу и думаю пришло, шло,ло, о, много и тут-гзы-гзыъгзео, а там-лыя, лея, луя, лоя и вся эта былязная Жріязь и нѣжвастая пакость спекуляруетъ на Дебошь и еще другіе зловонные пришли, а первые сюда-же, куда-пе, зачѣмъ-же, всѣхъ ихъ колючихъ и дымчатыхъ скорѣе подъ кранъ съ холодной водой»...

Милостивые государи, ради Бога, не дѣлайте большихъ глазъ.

Я только безплатно предложилъ вашему вниманію то, что продается во всѣхъ «лучшихъ книжныхъ магазинахъ» подъ громкимъ названіемъ:

«Пощечина общественному вкусу».

И вѣдь что-бы вы думали. Все «первое изданіе» этой абракадабры уже оказывается распроданнымъ.

Стало-быть, Бурлюки, Маяковскіе и Хлѣбниковы нашли-таки своего потребителя, а это наводитъ на самыя грустныя размышленія».

Эръ.

«Переводя слово акменамъ (акмъ—слово греческое, и значитъ: высшая степень расцвѣта) на простой русскій языкъ, можно будетъ сказать:

— Господа, бросьте символику. Пусть ею забавляются разнаго рода бурлюкающіе футуристы или, какъ рѣзко выразился въ одной изъ своихъ статей Андрей Бѣлый, разнаго рода «обозная сволочь». А мы вернемся къ Пушкину. Ей Богу, недурно писалъ Пушкинъ въ свое время и напрасно мы о немъ забыли».

И. К.

«Это все тѣ же—«футуристы», и «эго-футуристы», «ослинохвостисты» (по-новому «мишенисты») или ужъ не знаю, какъ тамъ ихъ еще,—которымъ серьезные люди посвящаютъ цѣлыя статьи, передъ «творчествомъ» которыхъ вдумчиво останавливается Вал. Брюсовъ, диспуты, которыхъ публика—въ ожиданіи скандаловъ—посѣщаетъ, книги которыхъ—смѣху ради—читаетъ. А они-то пыжатся, они-то кривляются! И едва ли не десятокъ книгъ этой безталанной, но ловкой братіи уже появился въ изданіи однихъ только г.г. Кузьмина и Долинскаго.

У каждаго своя спеціальность. Г. «Велиміръ» Хлѣбниковъ больше сочиняетъ новыя слова. Есть цѣлый рядъ «стихотвореній», составленныхъ исключительно изъ «новыхъ словъ». Вотъ одно изъ нихъ (привожу текстуально, безъ малѣйшихъ измѣненій):

Трепетва
дышва
помирва
прещва

желва
плаква
лепетва
нѣжва

Скажите: бредъ сумасшедшаго? Ничего подобнаго: они, эти «футуристы», здоровехоньки, эти ими все нарочито придумано, чтобы «чуднѣе было».

Другой—«футуристъ» г. Вл. Маяковскій специалистъ по другой части—по части противоестественнаго раздѣленія словъ.

Онъ пишетъ такіе «стихи»:

У—
лица
лица
У
Договъ
Годовъ
рѣз
че
Че—
рез

И передъ такимъ безпардоннымъ хулиганствомъ останавливаются серьезные люди съ серьезными минами»...

Н. С.

ПЕРЕДУНЧИКИ.

«Чуть ли не до хрипоты кричатъ о себѣ эго-футуристы, нео-футуристы, специалисты, адамисты-акмеисты и пр.; они кувыркуются на всѣ лады, до неприличія передъ «почтеннѣйшею публикой», изощряются въ изобрѣтеніи нелѣпостей— одна другой грандіознѣй,—а читатель равнодушенъ, какъ стѣна. Никакими калачиками не заманишь его въ пеструю и разухабистую футуристскую лавочку.

Многіе ли знаютъ такіе, напр., альманахи и сборники, какъ «Стеклянныя цѣпи», «Аллилуіа», «Оранжевая урна», «Дикая Порфира» «Гостинецъ сентиментомъ», «Камень», «Смерть искусству» и др.?

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти: Василискъ Гнѣдовъ, Хлѣбниковъ, Маяковскій, Крученыхъ, Широковъ, Бурлюкъ, Нарбутъ, Коневской, Мандельштамъ, Зенкевичъ остались бы совершенно неизвѣстными широкой читательской массѣ, если бы газеты отъ времени до времени не напоминали обществу о существованіи въ его средѣ этой безпокойной человѣческой породы.

А не напоминать—невозможно, ибо невозможно пройти равнодушно мимо этихъ безстыдныхъ извращеній, мимо этого насилія надъ чистымъ русскимъ словомъ и надъ здравымъ смысломъ.

Только недавно всю печать обошелъ торжественный и воинственный футуристскій манифестъ, данный въ лѣто 1913-ое въ дачномъ поселкѣ Усикиркахъ.

Помимо безпощаднаго похода на «чистый» русскій языкъ, на симметрическую логику, на «дешевыхъ публичныхъ художниковъ и писателей», на театръ,—футуристы на своемъ финляндскомъ съѣздѣ объявили и активную театральную программу на предстоящій годъ. Они рѣшили «всколыхнуть».

Крайне любопытно, какъ осуществляется это, «колыханіе» и какими средствами новаторы надѣются завладѣть общественнымъ вниманіемъ.

До сихъ поръ они дѣйствовали «слово-творчествомъ»:

Дыръ бул щыл.

Мы помнимъ такія неувядаемыя риѳмы:

Петръ Великій о
Поѣхалъ въ Мо-
скву великій градъ
Кушать виноградъ.

Мы слышимъ и теперь козьи вдохновенія:

Козой вы мной молочки
Даровали козяямъ луга
Луга-га!
Луга-га!

Но это ужъ не можетъ тронуть. Хоть выйди на широкую площадь и начни всенародно выть нечленораздѣльными звуками. Не удивятся: пріобвыкли и всего ждуть.

Это малоутѣшительное обстоятельство прекрасно учли и сами футуристы.

— Дальше насъ итти нельзя,—говорили они.

А оказалось—льзя.

Въ послѣдней поэмѣ этой книги Василискъ Гнѣдовъ *ничьмъ* говоритъ:

«что и говорить! *Передунчики* показали, что, дѣйствительно, «старъ былыхъ твореній планъ». Патентъ на «послѣднее слово безъ словъ» принадлежитъ по справедливости имъ».

Свое открытіе они философски обосновываютъ:

«Пока мы коллективцы, общежители,—слово намъ необходимо, когда же каждая особь преобразится въ объединиченное «Это»—я,—слова отбросятся само собой».

СВОЯ СВОИХЪ НЕ ПОЗНАША.

Трудно даже понять, какъ могла возгорѣться такая жестокая и кровопролитная война между родственными «союзниками». Но катятся ядра, свищутъ пули,— бой въ разгарѣ... Передунчиковъ бьютъ безпощадно и безъ зазрѣнія совѣсти адамисты-акмеисты, предводительствуемые заслуженными полководцами—Сергѣемъ Городецкимъ и Н. Гумилевымъ.

Послѣдній вонзаетъ въ нихъ отравленную стрѣлу:

«Появились футуристы эго-футуристы и прочія гіены, всегда слѣдующія за львомъ».

Но откуда этотъ великій гнѣвъ и эта бурная ненависть адамистовъ-акмеистовъ къ футуристамъ? И изъ-за чего, собственно, споръ?

Адамисты рекомендуютъ себя «вещелюбами» и «фетишистами». «Послѣ всякихъ непріятій—міръ безповоротно принятъ акмеизмъ, во всей совокупности красотъ и безобразій». Это-футуристская «утерянная горнесть» словъ имъ не нужна, ибо они всѣми помыслами на грѣшной землѣ и хотятъ вернуть словамъ ихъ смыслъ и значеніе. Стихъ—это «мраморъ и бронза». Стихъ «надменный властительнѣй, чѣмъ мѣдь». Слова «должны гордиться своимъ вѣсомъ» и *подобно камнямъ* должны соединяться въ зданіе.

И эта программа привела акмеистовъ къ «Новому Адаму». Сергѣй Городецкій начертилъ слѣдующій основной пунктъ программъ:

Просторенъ міръ и многозвученъ,
И многоцвѣтный радугъ онъ,
И вотъ Адаму онъ порученъ,
Изобрѣтателю именъ.

И во вновь обрѣтенномъ раѣ ада мистской поэзіи появились Гумилевскіе львы, леопарды, слоны, гиппопотамы, обезьяны и попугаи...

Н. Гумилевъ провозглашаетъ:

— Какъ адамисты, мы немного лѣсные звѣри и во всякомъ случаѣ не отдадимъ того, что въ насъ есть звѣринаго, въ обмѣнъ на неврастенію.

Но вѣдь въ такомъ случаѣ война съ передунчиками—явное недоразумѣніе. «Своя своихъ не познаша». Еще прославленный «геній» —Игорь Сѣверянинъ въ «Громокатящемся Кубкѣ» яростно заявлялъ, что его душа «влечется въ примитивъ» и что онъ «съ первобытнымъ не разлученъ». Сѣверянинская путешественница, если вы помните, вопила: «Задушите меня, зацарапайте, предпочтенье отдамъ дикарю!» Изысканная героиня поэтическаго повѣствованія «Югъ на Сѣверъ» питала непреодолимое влеченіе къ тѣмъ краямъ, гдѣ «гибельно. тундрово и сѣверно» и, если ей вѣрить,собственноручно остановила оленя у эскимосской юрты, захохотала при этомъ «жемчужно» и «наводя на эскимоса свой лорнетъ». Даже вся эта сѣверянинская сіятельная знать— виконты и виконтессы, жены градоначальниковъ, гурманки, грезерки и «эксцессерки» отшвыривали прочь культуру и предпочитали ржаной хлѣбъ...

Допустимъ Игорь Сѣверянинъ отряхнулъ теперь футуристскій прахъ. Но вѣдь своихъ Зизи и Нелли онъ выводилъ изъ небытія когда былъ правовѣрнымъ футуристомъ. А развѣ правовѣрнѣйшій изъ правовѣрныхъ футуристовъ В. Хлѣбниковъ не даритъ насъ повѣстями даже изъ періода Каменнаго вѣка, воскрешаетъ дикарей и первобытные народы?

Ясное дѣло, что casusbelli; почти отсутствуетъ въ основныхъ принципахъ. Разошлись и развѣтвились только въ послѣдующемъ пути. Футуристы ушли въ «самовитость» и аэропланное «словотворчество», а адамисты-акмеисты начали ударять насъ своими «тяжелыми словами», *подобно камнямъ* , по головѣ иногда до безчувствія.

«Новый Адамъ», повидимому, даже краешкомъ уха не слышалъ нѣжныхъ звуковъ райскихъ пѣсенъ и молитвъ и гласа архангельской трубы. Онъ изрядно грубъ, пошлъ и неотесанъ. Его слова не только тяжелы вѣсомъ, но и духомъ: отъ нихъ «духъ чижолый». Желаніе быть какъ можно ярче земными даетъ имъ основаніе проявлять необычайное усердіе въ отысканіи реалистическихъ тоновъ. И мы находимъ у нихъ такіе «райскія напѣвности»: «рудая домовиха роет-

ся за пазухой, скребетъ чесаломъ жесткій волосъ: вошь бы вынуть»; у нарбутовскаго лѣсовика« отъ онучъ сырыхъ воняетъ». Въ риѳмахъ воспѣваются такіе вѣчные моменты, запечатлѣнные адамистской кистью: «ржаво-желтой, волокнистаго, какъ сопли, сукровицево обтюпастъ, а онъ высмыкнется».

И тѣ и другіе—и футуристы и акмеисты—мечтаютъ о будущемъ, себя преемниками родной литературы. И какъ будто совершенно не замѣчаютъ, что на носу у нихъ красная шишка, а на головѣ—клоунскій колпакъ.

— Пускай изощряются, потѣшаютъ себя и другихъ кривляньями и выкрутасами. Смертельная-то вѣдь подчасъ скука, а зрѣлище все-же занятное. А главное—безвредное. Отъ футуризма и адамизма къ русской литературѣ ничего сквернаго не пристанетъ. Придетъ время—и эти клоинскія побрякушки будутъ выброшены въ сорный ящикъ, какъ отслужившая, негодная ветошь».

И. Накатовъ.

«Но не ихъ произведенія, а сами они очень милы и забавны. Когда подымается занавѣсъ, на эстрадѣ сидятъ всѣ они, вся ихъ школа. Давидъ Бурлюкъ, молодой человѣкъ семинарскаго вида, сидитъ развалившись на стулѣ и разглядываетъ публику въ лорнетъ. Лорнетъ —его спеціальность. Онъ и на снимкахъ съ лорнетомъ. Его братъ, Николай Бурлюкъ, высокій студентъ въ форменномъ сюртукѣ, совсѣмъ зеленый юноша. Онъ читаетъ какой-то сокрушительный докладъ чуть ли не объ упраздненіи всего (всего?—Да всего!), очень серьезенъ, но иногда, когда, когда публика хохочетъ особенно громко, онъ вдругъ неожиданно улыбается. И видно, что и онъ не прочь бы посмѣяться.

Великолѣпенъ геніальный поэтъ Алексѣй Крученыхъ. Изъ густыхъ, зачесанныхъ àla Гоголь волосъ торчитъ длинный носъ. Говоритъ онъ съ сильнымъ украинскимъ акцентомъ, презираетъ публику невѣроятно и требуетъ полной отмѣны знаковъ препинанія.

— Въ Хранціи,—говоритъ онъ,—литература уже...

— Какъ?—спрашиваютъ его изъ публики.

— Въ Хранціи, говорю я...

— Въ Хранціи?

— Ну-да! Народъ говоритъ «Хранція», и мнѣ такъ нравится больше!

Ему такъ нравится,—что можно тутъ возразить? Вотъ одно изъ послѣднихъ литературныхъ его произведеній:

«Шло много сильные ногатые чуть не сдавили Сижу въ сторонѣ тѣсно въ сѣнѣ безногій одорукъ и много шло и многіе шли Качались палки шли кивали я плакалъ шли другіе, а первые пришли пришли сюда куда и шли но уже брижe».

Но лучше всѣхъ Владиміръ Маяковскій. Высокій юноша, очень красивый, въ черной бархатной курткѣ. У него прекрасный, глубокій голосъ, и когда онъ декламируетъ невѣроятную чепуху геніальнаго Хлѣбникова, выходитъ все-таки красиво. Ругаетъ публику онъ послѣдними словами, требуетъ чтобы ему свистали, ибо онъ испытываетъ «сладострастіе свистковъ». Проповѣдуетъ онъ «самовитое» слово, слово не какъ средство, а какъ цѣль. А вотъ его стихотвореніе:

У—
лица—
лица
У
Договъ
Годовъ
Рѣз-
Че
резъ
Че-
Желѣзныхъ коней съ оконъ бѣгущихъ домовъ
Прыгнули первые клубы
Лебеди шей колокольныхъ гнитесь въ силкахъ проводовъ
Въ небѣ жирафій рисунокъ готовъ
Выпестрить ржавые чубы».

Homunlus.

Поистинѣ смѣхотворнымъ становится зрѣлище, когда полубезграмотные газетчики, впадая въ тонъ добраго папаши, пытаются обратить насъ на путь истинный, или разглагольствуютъ о художественномъ темпераментѣ.

«Очень пріятно отыскать въ твореніи какого-нибудь Петра Зудотѣшина безграмотность и указать ее автору.

Удивительно радостно убѣждать бездарнаго графомана въ никчемности его безсмысленнаго труда.

Но иногда лишаютъ критика и этихъ удовольствій!

Какъ критиковать автора, заранѣе оговорившаго и безграмотность своей книги, и ея ничтожность?..

Передъ глазами—странная книга:

— «Садокъ судей. Часть 2-ая».

Сборникъ новыхъ произведеній модныхъ нынѣ братьевъ Бурлюковъ и компаніи.

Въ предисловіи читаемъ:

— Мы отрицаемъ правописаніе.

— Мы расшатали синтаксисъ.

— Ненужность и безсмысленность воспѣты нами.

Мы новые люди новой жизни.

А содержаніе до того сумбурно, что приходится отказаться отъ мысли дать ему связную критическую оцѣнку...

Въ заключеніе—вопросъ.

Чего ради счиняется все сіе?

— «Славу мы призираемъ», говорится въ предисловіи.

О, если бы это было такъ!

Тогда никакой гармоніи «Садокъ» не нарушилъ бы: слава тоже презираетъ его.

Вспоминаются иныя времена.

Лѣтъ семь тому назадъ поэтъ Ив. Рукавишниковъ такъ же «безумствовалъ», порождая пародіи на себя...

А теперь Рукавишниковъ печатаетъ отмѣнно—старые романсы въ толстыхъ журналахъ, куда онъ вошелъ съ «громкимъ» именемъ.

Въ свое время В. Брюсовъ писалъ лиловые опусы о блѣдныхъ ногахъ...

А теперь Брюсовъ ведетъ беллетристическій отдѣлъ въ основательнѣйшей «русской Мысли» положительнѣйшаго П. Б. Струве.

И нынѣшніе «новые люди»...

У Ник. Бурлюка были уже хорошіе стихи.

«...По равнинамъ и оврагамъ
Древней родины моей,
По невспаханнымъ полямъ,
По шуршащимъ очеретамъ,
По ручьямъ и по болотамъ
Каждый вечеръ ходитъ кто-то
Утомленный и больной»...

Талантъ здѣсь виденъ.

У Давида Бурлюка, сейчасъ поражающаго Петербургъ нелѣпыми примитивными картинами—уже лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, когда онъ еще находился въ Симбирскѣ, имѣлись настоящія картины...

Пройдетъ лѣтъ пять.

«Новаторы» появятся въ солидныхъ изданіяхъ, гдѣ не расшатываютъ синтаксиса и не воспѣваютъ безсмыслицы...

Все хорошо, что хорошо кончается!

Читатель не будетъ удивленъ новымъ именемъ: извѣстность имени уже создана, вѣдь крикливымъ кривляньемъ!

А критика?

Положеніе обязываетъ.

Она въ одинъ голосъ превознесетъ его, героя, ибо... надо же привѣтствовать возвратъ отъ нелѣпыхъ новаторствъ на путь истинной литературы...

Критика—что публика: она не любитъ быть одураченной.

Она любитъ думать, что «переломъ» въ писателѣ совершился по ея настоянію...

Хорошо на время побыть новыми людьми.

Старая истина»!

Георгій Братовъ.

«Бросить Пушкина, Толстого, Достоевскаго и пр. съ Парохода Современности...

«Парфюмерный блудъ Бальмонта»... «Бумажныя латы воина Брюсова»... «Грязная слизь книгъ Леонида Андреева»...

«Только мы—лицо нашего Времени»

Кто же однако эти горделивые мы? Два Бурлюка, Лившицъ, Крученыхъ, Хлѣбниковъ, Маяковскій, Кандинскій...

Чѣмъ нагрузили эти геніи Пароходъ современности? Что даетъ имъ право сщ сакою легкостью выбрасывать какъ мертвый грузъ своихъ великихъ соотечественниковъ?

«И вновь—излюбленныя латы
Излучены въ густой сапфиръ»...
«...Я долго буду помнить волчью

Дорогу, гдѣ блуждала ты...»

Полны нѣжныхъ и лучистыхъ образовъ пѣвучіе стихи Б. Лившица... но, ахъ, развѣ это не стихи Александра Блока?

Д. Д. Бурлюкъ—развѣ не имѣетъ предшественниковъ... Зачѣмъ имена? Enfant terrible'мъ «пощечниковъ» (въ каждой группѣ вѣдь долженъ быть таковой въ роли квасной «изюминки») является А. Крученыхъ. Повидимому—на сколько можно судить по его произведеніямъ—это молодой поэтъ, претендующій на роль «крайняго лѣваго» вездѣ, гдѣ бы онъ ни появился. А. Крученыхъ—безспорно плодовитъ, энергиченъ, неистощимъ въ изобрѣтеніи различныхъ междометій и образованіи изъ нихъ новаго волапюка. Вопросъ только въ томъ—талантливъ-ли г. Крученыхъ настолько, чтобы его талантливость искупая все его—скажемъ прямо озорство»?

Анастасія Чеботаревская.

«Но что же создали эти господа, чѣмъ наполнили они свой сборникъ?

Вотъ поэзія В. Хлѣбникова:

«Бобэоби пѣлись губы
Вээоми пѣлись взоры
Піэээо пѣлись брови
Лиэээй пѣлся обликъ
Гзи-гзи-гзэо пѣлась цѣпь...

Далѣе идетъ такого же рода безсмыслица, озаглавленная «Конь Пржевальскаго».

Почему этотъ дикій наборъ называется «Конь Пржевальскаго. В. Хлѣбниковъ, вѣроятно, и самъ не знаетъ.

А вотъ образчикъ поэтическаго творчества А. Крученыхъ:

«№ восемь удивленный
камень сонный
началъ глазами вертѣть
и размахивать руками
и какъ плеть
извилась передъ нами салфетка».

В. Кандинскій далъ четыре маленькихъ разсказа Приводимъ нѣсколько первыхъ строкъ изъ «разсказа» «Видѣть».

«Синее, Синее поднималось, поднималось и падало. Острое, Тонкое свистѣло, вонзалось, но не протыкало. По всѣмъ концамъ грохнуло. Толстокоричневое повисло будто на всѣ времена. Будто. Будто».

Такой дикой безсмыслицей, бредомъ больныхъ горячкой людей или сумасшедшихъ напоминаетъ весь сборникъ.

Кто они, авторы сборника?

Искренни ли они?

Д. Бурлюкъ учится въ московской школѣ живописи и зодчества, гдѣ работаетъ такъ, какъ требуетъ этого школа. На ученическихъ выставкахъ онъ выставляетъ пейзажи, которые безконечно далеки не только отъ кубизма, нои всякаго новаторства.

И этотъ же господинъ одновременно на другихъ выставкахъ выставляетъ картины въ духѣ самаго крайняго кубизма.

Гдѣ же искренность и послѣдовательность у этихъ «новаторовъ»?

Бурлюкъ и К° не мальчики... Это господа, которымъ перевалило за тридцать лѣтъ. Ихъ кривляніе не результаты юношескихъ увлеченій. Это господа, которые во что бы то ни стало хотятъ извѣстности, хотя бы и путемъ скандала.

Всякое теченіе въ искусствѣ и литературѣ интересно, но при одномъ условіи: оно должно быть искреннимъ проявленіемъ художественнаго темперамента.

Творчество братьевъ и К° есть ничто иное, какъ сознательное шарлатанство. Оно стоитъ внѣ критики, внѣ общественнаго мнѣнія, вотъ почему ихъ «пощечина общественному мнѣнію» не оскорбительна. И краснѣть за эту пощечину придется не обществу, а имъ, художникамъ и поэтамъ, если въ нихъ, конечно, проснется стыдъ за содѣянное.

Вѣдь они нанесли ее искусству».

Н. Лаврскій.

Рекордъ наглости побивается господами, подающими свой критическій лепетъ подъ острымъ, но недоброкачественнымъ соусомъ общественности. Какъ только инстинктъ самосохраненія—если не пониманіе реальнаго соотношенія силъ—не подсказываетъ имъ, что перенесеніе вопроса въ плоскость общественныхъ построеній и обобщеній—рискованнѣйшая для либеральничающихъ газетчиковъ затѣя, неизбѣжно приводящая къ обнаруженію ихъ темной общественной физіономіи?

«Пощечина общественному вкусу»—подъ этимъ заглавіемъ выпистили въ свѣтъ книгу поклонники и послѣдователи Давида Бурлюка. Все въ этой книгѣ напечатанной на оберточной бумагѣ, все сдѣлано шиворотъ-на-выворотъ, и на первой страницѣ напечатано стихотвореніе:

Бобэоби пѣлись губы
Вэээоми пѣлись взоры
Піэээо пѣлись брови
Ліэээй пѣлся обликъ
Гзи-гзи-гзэо пѣлась цѣпь
Такъ на холстѣ какихъ-то соотвѣтствій
Внѣ протяженій жило лицо.

Общественный вкусъ требуетъ смысла въ словахъ. Бей его по мордѣ безсмыслицей! Общественный вкусъ требуетъ знаковъ препинанія. Надо его, значитъ ударить отсутствіемъ знаковъ препинанія. Очень просто. Шиворотъ-на-выворотъ вотъ и все.

Скоро ли начнетъ Бурлюкъ издавать журналъ литературный, политическій и общественный? Называться онъ будетъ «Пощечина», и въ художественномъ отдѣлѣ будутъ напечатаны стихи Владимира Маяковскаго:

Клюющій смѣх из желтых ядовитых роз,
Возросъ
Зигзагомъ.
За гомъ
И жуть
Взглянуть.

А въ отдѣлѣ политическомъ будетъ напечатано просто:

«Екатеринославъ, 8/ш. Пресловутый исправникъ Неровня назначенъ представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ училищный совѣтъ славяно-сербскаго уѣзда».

Князь Мещерскій — защитникъ административнаго произвола. Чѣмъ это не кубизмъ?.. Если у Д. Бурлюка нѣтъ средствъ на собственный литературно-политическій журналъ, не откроетъ ли художественный отдѣлъ въ «Гражданинѣ» князь Мещерскій? Пощечина общественному вкусу ихъ объединитъ, стараго, и молодого, посвятившихъ жизнь свою тому, чтобы дѣлать все «наоборотъ». Homunulus.

«Они громко, нахально, не стѣсняясь, говорятъ объ этомъ и свое нахальство называютъ «пощечиной общественному вкусу».

Союзниками Бурлюковъ въ живописи являются Крученые въ литературѣ.

Они — тоже футуристы.

Крученые отставили отъ литературы великихъ русскихъ писателей. Для нихъ безсмысленный наборъ словъ и даже не словъ, а звуковъ идеалъ поэзіи.

Извольте, напримѣръ:

Дыр—бул—щыл
убѣшщуръ
скум
вы—со—бу
р—л—эз

Эю — стихотвореніе поэта-футуриста А. Крученыхъ.

А вотъ стихотвореніе другого поэта В. Хлѣбникова:

Бобэоби пѣлись губы
Вэээоми пѣлись взоры
Ціэзо пѣлись брови
Ліеэээй пѣлся обликъ
Гзи-гзи-гзэо пѣлась цѣпь...

Лавры футуристовъ не давали покоя депутату князю Святополкъ-Мирскому.

Напревать! Бурлюки восторгаются дѣтской мазней и глумятся надъ картинами Рѣпина. Крученые превозносятъ наборъ безсмысленныхъ звуковъ и ставятъ его выше стиховъ Пушкина, прозы Толстого и Достоевскаго. Такъ почему же я, князь Святополкъ-Мирскій, не могу восторгаться крѣпостнымъ правомъ и глумиться надъ великими реформами? И я могу лягнуть, могу дать пощечину общественному вкусу. И вотъ я воспользовался каѳедрой Государственной Думы, чтобы громко заявить объ этомъ».

Аркадій Счастливцевъ.

«Вопросъ, поднятый Homo Novus'омъ въ фельетонѣ «Объ озорствѣ», представляетъ, на мой взглядъ, выдающійся интересъ. Хулиганство, какъ извѣстный видъ соціальной и политической безпардонности, пропитало собою въ настоящее время всѣ элементы общества. Оно воцарилось въ умахъ и въ душахъ людей. Оно хозяйнича-

етъ на окраинахъ и въ гостиныхъ, въ литературѣ, въ искусствѣ и въ самой жизни. Не только въ горлѣ хулигана въ опоркахъ, или въ ультра-фіолетовыхъ книжкахъ *бурлюковъ* «клокочетъ гнусное сквернословіе», — съ профессорской каѳедры, съ думской трибуны, отовсюду, даже съ церковнаго амвона звучатъ голоса озорниковъ. Торжествуя, гримасничая и издѣваясь, хулиганство изо-дня въ день цинично заливаетъ своими грязными волнами помятую русскую дѣйствительность.

По существу это такъ. Характеристика, данная Homo Novus'омъ обнимаетъ собою всѣ разряды хулиганства, всѣ категоріи издѣвательства, всѣхъ почетныхъ и дѣйствительныхъ хулигановъ — отъ мрачнаго субъекта на Обводномъ каналѣ, пускающаго вамъ вдогонку трехъэтажное ругательство, до жизнерадостныхъ ухачей и бурлюковъ, спокойно раздающихъ пощечины общественному вкусу. Между мелкимъ издѣвательствомъ квартальнаго, плевкомъ *бурлюка* и тре ъэтажнымъ ругательствомъ патентованнаго хулигана, дѣйствительно, имѣется глубокая родственная связь.

И если одно сословіе выдвигаетъ Хвостовыхъ и Пуришкевичей, то другое — служитъ питомникомъ бурлюковъ, мелко издѣвающихся исправниковъ, гнусно хихикающихъ педагоговъ и т. д. Своеволіе, необузданность и жестокость — вотъ матеріалъ, изъ котораго слагается физіономія хулиганства. Тупость, уныніе и общественная апатія — вотъ та духовная атмосфера, изъ которой родится хулиганщина».

Войтоловскій.

. . . . «Всѣ грады и веси матушки Россіи переполнены «свинофилами». Подлинные свинофилы проводятъ свои «идеи» въ реальную жизнь. Сколько ихъ, подъ личиной «свидѣтелей», прошло въ кіевскомъ процессѣ! «Свинофилы» литературные— вносятъ обывательское свинство въ печатное слово, превращая его въ... непечатное. Это не анархизмъ, потому что въ анархизмѣ есть своя жестокая логика. Это именно «свинофильство».

И спасибо К. И. Чуковскому. Онъ продѣлалъ очень необходимую и своевременную работу. Съ присущей ему добродушной ядовитостью онъ вдребезги разбилъ стеклянную «висѣль» (стиль Крученыхъ!) или стеклянные «панделоки» (стиль Сѣверянина) футуристовъ, разбилъ не походя, а какъ настоящій, опытный разрушитель бриллiантовъ Тэта и московской селянки. Онъ мужественно исполнилъ роль ассенизатора, увлекъ публику своей «шампанской» рѣчью, за что и былъ вознагражденъ «громомъ апплодисментовъ».

Д. Философовъ.

Въ нашей экзегезѣ былъ бы существенный пробѣлъ, не упомяни мы о начинающемъ пріобрѣтать въ русской критикѣ права гражданства своеобразномъ къ намъ подходѣ — вѣрнѣе, подходѣ къ нашему карману. Ибо что иное представляютъ собою статейки г. г. Зайкиныхъ, Бобровыхъ и К-о?

«Вѣрить въ то, что они проповѣдуютъ, конечно, нельзя. Если отрицать всякую красоту, то какъ же мириться съ заботой о своей наружности, какъ мириться съ милымъ дѣвичьимъ лицомъ?

А какъ заботятся футуристы о своей наружности, какъ проникнуты они желаніемъ нравиться. Какимъ видимымъ успѣхомъ пользуются среди нихъ молодыя и красивыя футуристки.

Балаганятъ. Балаганят- не безъ пользы. Вечеръ въ Троицкомъ театрѣ принесъ имъ тысячи двѣ! По нынѣшнимъ цѣнамъ на литературный трудъ — гонораръ очень высокій!

Футуризмъ заразителенъ. Онъ пышно расцвѣтаетъ. Никакого таланта, вѣдь, не требуется, чтобы создать поэму по футуристическому. Охотниковъ стать знаменитостью хоть прудъ пруди. Футуризмъ открываетъ имъ широкую дѣятельность».

И. Заикинъ.

«Когда стихи Игоря Сѣверянина подняли шумъ въ обществѣ, когда о словотворчествѣ заговорили всюду, и имъ начали пытаться заниматься даже вовсе презрѣнныя бездарности, вродѣ Рославлева, начали появляться въ необыкновенно большомъ количествѣ литографированныя книжонки московскихъ футуристовъ. Сперва въ красивомъ исполненіи Гончаровой и Ларіонова, а потомъ сдѣланныя кѣмъ попало. Они неоригинальны, это первый грѣхъ. Но это еще не такъ горько для нихъ, ибо они, что несомнѣнно, находятся за предѣлами всякаго искусства. Говорить о нихъ какъ о стихотворцахъ нѣтъ возможности. Маяковскій и Хлѣбниковъ даютъ иногда вещи, которыя можно читать, но тогда они всегда въ совершенномъ разногласіи съ выставленными ими принципами. Стихотвореніе Хлѣбникова въ брошюрѣ «Бухъ лѣсинный» крѣпко и красиво, но оно неоригиналь-

но, его могъ бы написать и Блокъ. Въ брошюрѣ Маяковскаго «Я» послѣднее стихотвореніе, дѣйствительно, совсѣмъ пріятно, но большое вліяніе Анненскаго на-лицо. И тамъ нѣтъ никакихъ «заумныхъ» языковъ. Этимъ спеціально занимается г. Крученыхъ, этотъ великолѣпный писарь въ экстазѣ. Бурлюки занимаются саморекламированіемъ, тѣмъ, что называется фрапшузами le fumisme и подражаніемъ чему угодно и кому угодно. Футуристическіе стихи Гуро подъ явнымъ вліяніемъ Игоря Сѣверянина. О томъ, что дѣлается въ сборникахъ «Союза Молодежи», гдѣ теоретизируютъ гг. Марковъ, Спандиковъ, Розанова, какъ-то даже неловко говорить. Весь этотъ футуризмъ», все это «будетлянское баяченье» простой коммерческій гешефтъ. И настолько ясны эти коммерческія устремленія, что ихъ замѣтилъ даже ежемѣсячный ремингтонъ «Современника», г. Львовъ-Рогачевскій.

... Что можно сказать о произведеніи Бурлюка во 2-мъ «Садкѣ Судей», надъ которымъ крісуется надпись «инструментовано на «с», когда тамъ «с» чуть ли не самая рѣдкая буква! или когда сей, подражая Корбьеру, пишетъ нѣкоторыя слова большими буквами и называетъ ихъ «лейтъ-словами» ужъ совсѣмъ ни съ того, ни съ сего... Положимъ, что обычный способъ г. Бурлюка: стащить какой-либо терминъ и прицѣпить его къ собственнымъ шедеврамъ».

С. Бобровъ.

Можно ли вступать въ какія-либо дискуссіи съ господами Бобровыми, заранѣе поставляющими себя внѣ субъективныхъ условій вмѣняемости публичнымъ заявленіемъ, что у нихъ (эго-футуристовъ) «развороченные черепа», и эпиграфомъ къ своимъ писаніямъ избирающимъ четверостишіе:

«Душа, причудовъ полная,
«Перевороты дѣлаетъ:
«На бѣломъ ищетъ черное,
«А въ черномъ видитъ бѣлое»?

Какъ жаль, что не вся наша критика обладаетъ столь завиднымъ мужествомъ!

Д. Бурлюкъ Б. Лившицъ.

Приводя краткій (весьма) перечень статей *газетныхъ* о футуристахъ Россіи за 1913 г., хочется сказать нѣсколько словъ о псевдонимѣ (излюбленномъ такъ нашей прессой).

Что такое псевдонимъ: 1) трусость — ? 2) Скромность. Конечно, не второе — а всегда первое...

Изгоните псевдонимъ изъ обихода;

Учитесь смѣлости. Анонимъ и псевдонимъ, вѣдь, всегда одно и то же, т. е. I.

Д. Бурлюкъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ВАДИМЪ ШЕРШЕНЕВИЧЪ. ЭКСТРАВАГАНТНЫЕ ФЛАКОНЫ. К-СТВО „МЕЗОНИНЪ ПОЭЗІИ“. 1913. 35 к.

Быть можетъ, на Парнасѣ русскаго футуризма Вадимъ Шершеневичъ—единственный, чье мѣсто можетъ быть опредѣлено сейчасъ на долгіе годы, и это мѣсто, мѣсто незауряднаго поэта изъ теперь уже многочисленной, плеяды русскихъ футуристовъ. Въ чемъ, собственно, эта опредѣленность надеждъ, подаваемыхъ поэтомъ? Не въ томъ ли, что у него уже имѣются за собой двѣ книги компилятивныхъ стиховъ—«Весеннія Проталинки» и, Carmina“— не въ томъ ли, что въ каждой изъ своихъ футурныхъ поэзъ онъ непрестанне прогрессируетъ и, весь тонкій, эстетный, надушенный съ головы до пятъ, онъ удачно избѣгъ легкой возможности сдѣлаться подражателемъ Сѣверянина и ярко и опредѣленно выявилъ въ своихъ поэзахъ собственную физіономію поэта-урбаниста, такого же мученика города, какъ и Вл. Маяковскій, самозабвеннаго, до упоительности самозабвеннаго мазохиста.

Конечно, въ этомъ. Я не стану говорить здѣсь о Шершеневичѣ «Романтической Пудры», такъ какъ тамъ еще поэта не окончательно захватили стальными зубами пасти города, такъ какъ еще не такъ тяжело надъ нимъ нависла громада спрута—города, города современности и, соотвѣтственно, пріемы его творчества не достигли еще той изумительной нервности, сплочено-хаотической сжатости и безумнаго пульсированія электрическихъ толчковъ, которыхъ полна его слѣдующая книга и стихи, невошедшіе еще въ отдѣльный сборникъ, но появившіеся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, главнымъ образомъ, въ выпускахъ «Мезонина Поэзіи». Не стоитъ, конечно, говорить о «Весеннихъ Проталинкахъ» или о „Carmina“, объ этихъ этапахъ творчества поэта говорилось достаточно, и имѣютъ ли онѣ какое иное отношеніе къ Шершеневичу «Экстравагантныхъ Флако-

новъ», кромѣ того развѣ, что онѣ дали поэту возможность зарекомендовать себя хорошимъ мастеромъ стиха.

Перехожу къ «Флаконамъ». Съ первой страницы глядитъ уже ужэсъ города, хотя ни одна строчка не сказала вамъ о немъ, и только развѣ «аккордъ электричества» еще сильнѣе ударитъ васъ въ бѣшеномъ темпѣ ритма «торопливыхъ гаерскихъ ногъ». И подъ «больную улыбку жизни» стучатъ эти строчки о скользящихъ и ранящихъ мгновеніяхъ, гримасничаетъ окровавленная мука-кривляющагося передъ «безполой жизнью» поэта.

И вездѣ и всюду ужасъ и растоптанное сердце. Вотъ Прекрасная Датт поэта:

Вы бѣжали испуганно, уронивъ вуалетку,
А за Вами, съ гиканьемъ и дико крича,
Бѣжала толпа по темному проспекту
И ихъ вздохи скользили по Вашимъ плечамъ.

И она брошена, невырываемо брошена въ объятія толпы, и на ея губахъ безсиліе отвѣта, распятой на томъ же крестѣ:

И кому то шептали: Не надо! Оставьте!
Ваше бѣлое платье было въ грязи...
Но за Вами неслись въ истерической клятвѣ
И люди, и зданія, и даже магазинъ.

И любовь его тамъ, гдѣ
Сумашедшая людскость бульвара,
Толпобѣгъ по удивленной мостовой,
Гдѣ
Толпа гульлива, какъ съ шампанскимъ бокалы,
Съ немного дикостью кричатъ попури,
А верхнія ноты, будто шакалы,
Прыгаютъ яростно на фонари,
И эспри.

И его любовь—жуткая пытка, боль отъ конца до начала:

Я руками взялъ Ваше сердце выхоленное,
Исцарапалъ его ревностью стальной.
И, вмѣстѣ съ двойникомъ фейерверя тосты,
Вашу любовь до утра грызли мы,
До-сыта, до-сыта, до-сыта,
Запивая шипучею мыслью.

(Альманахъ «Крематорій Здравомыслія»).

И весь міръ для него—перевернутая кинемофильма, и только съ «очками для близорукихъ на душѣ» онъ можетъ войти въ кинемо, и вотъ признанье поэта о своей роли въ этомъ кинемо:

Я дивлюсь и сижу удивленно въ креслѣ;
Все это комично; по дѣтски; сквозь туманъ
Все сумашедше; и мнѣ весело,
Только не по Вашему, когда я гляжу на экранъ.
И въ этомъ кинемо
Счастье перегораетъ, какъ электролампа,
И добрыя мысли съ мѣщанскимъ бантомъ
Разгуливаютъ по кабинету, важны, какъ герцогъ!
О, бархатное, протертое сердце!

И остается «Только тоска». А за всѣмъ зорко слѣдитъ Дьяволъ «Сухопарый, скрестярукій, неспѣшный въ созерцаніи факта», единственный стражъ и блюститель королевы-жизни, перезрѣлой кокетки, гдѣ виситъ истерическій крикъ:

Пожалѣйте, проклятые, меня, не вашего,
Меня—королевскаго гримасника.

А какъ сдѣланы эти стихи, кричащія о боли строчки! Ритмъ? Это не продолженіе работы, начатой символистами въ области свободнаго стиха, это самостоятельно разработанный ритмъ остроугольныхъ рисунковъ и переламывающихся линій. И быть можетъ ничто другое, какъ этотъ жестокій ритмъ, обостренный жестокими диссонансами. Кстати, здѣсь о риѳмѣ „Флаконовъ„. Вадимъ Шершеневичъ давно, уже съ „Carmina“ исключительный мастеръ риѳмы, а въ Флаконахъ и это изощренное мастерство достигаетъ своего апогея. На каждомъ шагу новые экскурсы въ эту область, и экскурсы, почти всегда удачные, полные интереса не только новой игрушки, но и цѣннаго новаго пріобрѣтенія.

Ю. Эгертъ.

КОНСТАНТИНЪ БОЛЬШАКОВЪ. СЕРДЦЕ ВЪ ПЕРЧАТКѢ К-ВО „МЕЗОНИНЪ ПОЭЗІИ“. М. 1913. 45 к.

Книга К. Большакова несомнѣнно интересна. Интересъ ея не въ нѣкоторыхъ довольно безобидныхъ бутадахъ, но въ самихъ устремленіяхъ автора. Поэтъ, какъ намъ извѣстно, еще очень молодъ, эта книга—первая, появившаяся въ витринахъ, такъ какъ предыдущая

была конфискована. Намъ кажется, что въ дебютантѣ самое важное не достиженія, а достиганія.

Со многими пріемами автора можно не соглашаться; такъ, намъ кажется слишкомъ внѣшнимъ пріемомъ поломка грамматики въ тѣхъ строкахъ, которые авторъ хочетъ выдѣлить.

...Съимпровизировать въ улыбаться искусство...
...Чтобъ взоры были, скользя колѣней, о, нѣтъ, не близки...

Конечно, автоматическое вниманіе задерживается на такихъ строкахъ и поэтъ достигаетъ желаемаго, но едва ли это чисто-художественный методъ, а не измѣненный курсивъ въ стихахъ.

Также можно оспаривать—принадлежитъ ли къ поэзіи пьеса „Весна“, написанная почти исключительно неологизмами безъ опредѣленнаго значенія, вродѣ, „Эсмерами, вердоми“ труверить весна“.

Конечно, можно легко понять, что «Эсмерами, вердоми» творительный множественнаго и расшифровать построеніе всѣхъ строкъ, но все же это скорѣе словесная музыка, чѣмъ она кажется и претендуетъ быть.

Можно указать на нѣкоторую тяжеловѣсность разстановки словъ (надъ стиховъ амурницей), можно оспаривать удачность нѣкоторыхъ неологизмовъ, напр., «Медлительность рѣчная». Кажется, что второе слово произведено отъ «рѣка», а оказывается отъ «рѣчь».

Однако, всѣ эти недостатки искупаются несомнѣнной индивидуальностью автора. Трудно требовать отъ первой книги большей самостоятельности и напѣвность, причемъ эта напѣвность не Сѣверянинская, а самостоятельная.

Отдѣльныя вліянія и позаимствованія очень рѣдки. Можно указать на случайную строку изъ Бальмонта (Я въ этотъ мигъ вошелъ, какъ въ древній храмъ), на нѣкоторую зависимость отъ Сѣверянина и отъ автора этихъ строкъ.

Кромѣ индивидуальности, оригинальнаго переплетенія изысканнаго съ «непоэтическимъ» и самостоятельности исканій, слѣдуетъ отмѣтить отличную инструментовку стиха. Въ доказательство, кромѣ вышеупомянутой Весны, можно процитировать, напр., такія строки:

...Едва странно ванну душитъ духами...
...Вы растрелили пудреное сердце...
...На шумѣ шмеля шутки и шалости...
...Сюда, сюда, гдѣ съ сѣрымъ на сѣверѣ
Слилось слѣпительно голубое олово.

Много интереснаго замѣтили мы въ ритмикѣ, въ образахъ, въ хорошемъ пониманіи ассонанса, изъ которыхъ нѣкоторые отличны. Свободный стихъ кажется намъ еще не вполнѣ самостоятельнымъ, но и въ немъ есть опредѣленныя достоинства.

«Сердце въ перчаткѣ» обнаружила въ К. Большаковѣ безспорное знаніе прежней поэзіи, указала на отчетливо-пройденныя безъ чужой помощи ступени и дала много не только въ смыслѣ обѣщаній.

Вадимъ Шершеневичъ.

ЧЕМПІОНАТЪ ПОЭТОВЪ. С.-ПБ. 30 к.
МАРКОВЪ и ДУРОВЪ. КАБЛУКЪ ФУТУРИСТА. М. 35 к.

Всѣ знаютъ, что во время предрождественноской горячки торговцы изъ Охотнаго ряда подсовываютъ растерявшимся, засуматошившимся покупателямъ всякую тухлую дрянь. Точно такимъ же «принципомъ» руководились авторы вышеназванныхъ книгъ. Публика раскупаетъ сейчасъ футурныя изданія, не разбирая, кто плохъ, а кто хорошъ. Критика окончательно разувѣрившаяся, что можетъ зазвать кого-нибуфь въ кіоскъ Куприныхъ или Арцыбашевыхъ, стала рекомендовать, какъ талантливыхъ футуристовъ, скромнаго символиста Д. Крючкова, почему-то сотрудничащаго въ «Пет. Глашатаѣ». Въ сутолокѣ нѣсколько ловкихъ бездарій выпустили «Чемпіонатъ поэтовъ», гдѣ отъ футуризма столько же, сколько въ строчкахъ Эльснера или Бунина.

Два другихъ издали «Каблукъ футуриста». Чтобы дать представленіе о «футуризмѣ» этихъ гимназистовъ третьяго класса, еще не вполнѣ осилившихъ этимологію и букву ѣ, процитирую пару строкъ,—оставляя орфографію подлинника:

И вся толпа въ безумьѣ гнѣва
Со злобой выла какъ артистъ.
Толпа, ты рождена для хлѣва
Оставь меня, я фугуристъ.

Я не могу сказать, что г. Дуровъ способнѣе г. Маркова, но г. Марковъ бездарнѣе г. Дурова. Книга, вѣроятно, будетъ имѣть матеріальный успѣхъ, такъ какъ на обложкѣ слово «Футуристъ» напечатано отчетливо да еще съ прибавкою безграмотнаго „Stihi“.

Г. Г.——

БОРИСЪ ПАСТЕРНАКЪ. БЛИЗНЕЦЪ ВЪ ТУЧАХЪ. К-ВО „ЛИРИКА“ М. 1914. 50 к.

СЕРГѢЙ БОБРОВЪ. ВЕРТОГРАДАРИ НАДЪ ЛОЗАМИ К-ВО „ЛИРИКА“ М. 1913. 1 р. 50 к.

Въ номерѣ гостиницы русской литературы, который только что покинула «тяжкая армада старшихъ русскихъ символистовъ», остановилась переночивать компанія какихъ-то молодыхъ людей. И вотъ они уже собираютъ разбросанные ихъ предшественниками окурки, скучно сосутъ выжатый и спитый лимонъ и грызутъ крошечные кусочки сахара. Больше ничего и не осталось, и отъ этого въ номерѣ такая тоска и уныніе, что зеленѣютъ отъ скуки видавшіе и пышный миръ русской поэзіи обои. Читатель, Вы, навѣрное, уже догадались, что я говорю о «лирикахъ», т. е. о молодыхъ людяхъ, выпускающихъ все чаще и чаще никому ненужныя книжки, на которыхъ неумѣло—незатѣйливо написано: книгоиздательство «Лирика». И вотъ передо мной еще одна такая книжка, полная тоски и переливанія изъ пустого въ порожнее. Никому въ голову не придетъ сознательно критиковать предисловіе къ ней, никто не понесетъ ее сознательно домой насладиться стихами, и только быть можетъ мнѣ, по скучной обязанности рецензента, пробѣжавъ строчки глазами со скоростью американскаго экспресса, приходится сказать ея автору, что не нужно называть себя символистомъ, когда для составленія своихъ стиховъ пользуешься и строчками В. Шершеневича («Романтическая пудра») (стр. 19, 20) и пытаешься надушиться Сѣверянинскими духами (стр. 30, 33, 37), причемъ это выходитъ у Пастернака куда лучше, чѣмъ то, подъ чѣмъ болѣе бы приличествовала подпись Андрея Бѣлаго (стр. 13, 14, 11, 12), А. Блока, В. Иванова, В. Брюсова (стр. 31, 32), Козлова, Подолинскаго, А. Одоевскаго или какого другого второстепеннаго поэта пушкинской эпохи (стр. 15, 16) и др., и добавить, что ни В. Шершеневичъ, ни Игорь—Сѣверянинъ никогда не риѳмовали «причудникъ-спутникъ» или «поножь-гошишь» уже по одному тому, что это даже не ассонансы, и, что недостаточно еще присутствія въ книжкѣ таковыхъ и упоминаній объ обсерваторіяхъ, вокзалахъ, проспектахъ и городѣ, чтобы она могла войти къ современную русскую поэзію.

У «Лирики», есть еще одна книжка стиховъ, правда вышедшая

значительно раньше выше цитированной, что впрочемъ ничуть не дѣлаетъ ее интереснѣй.

Некраснѣющій Бобровъ на пространствѣ полутораста страницъ съ неподражаемо-серьезнымъ видомъ поэтизируетъ строчки, вродѣ слѣдующей:

> На завтра темный день настанетъ,
> Спокойно молвитъ: навсегда

Конечно, на то онъ и Бобровъ, на то онъ и «предостерегаетъ дружески» Сѣверянина:

> Тебя не захлеснула бъ скверна
> Оптово розничной мечты....,

на то онъ и съ Брюсовымъ имѣлъ дѣла, о которыхъ довольно прозрачно сообщаетъ въ стихахъ:

> Своею влагою цѣлительной
> Ты указуешь грани бѣдъ.....,

но книга называется „Вертоградари надъ козами“, а одинъ изъ моихъ товарищей какъ то обмолвился слѣдующей эпиграммой:

> Валерій Брюсовъ вѣскимъ словомъ
> Сказалъ: «о, какъ ты мнѣ постылъ»,
> И надъ «лирическимъ» Бобровымъ
> Вверхъ вертоградарь лозу взвилъ.

Конечно, протестовать противъ этого довольно трудно, тѣмъ болѣе, что названіе книжки очевидно собственное рукодѣліе г. Боброва.

Egyx.

Н. АСѢЕВЪ. НОЧНАЯ ФЛЕЙТА. К-ВО „ЛИРИКА“ 1914. М. 50 к.

Можетъ быть у г. Асѣева много скрытыхъ талантовъ, но совершенно ясно, что къ поэзіи они не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія. Его строки, которыя даже въ минуту наивысшаго оптимизма не могутъ быть названы стихами, лучше строкъ Бѣлоусова или Гальперина, но и то это не его заслуга. Современная поэзія, какъ ремесло (не какъ техника), стоитъ высоко. Люди, вродѣ А. Чумаченко, пригодны только къ писанію куплетовъ въ честь Брокаровской пудры. Мѣсто этихъ «убогихъ» замѣнили навострившіеся молодые люди, какъ, напр., г. Асѣевъ. Также, въ наше время нѣтъ такихъ ультробезграмотныхъ издательствъ, вродѣ Саблина или Знанія; ихъ мѣсто за-

няли Лирика, Шиповникъ, Мусагетъ. Такъ мы и будемъ говорить: передъ нами книга Неогальперина, изд. Неосаблиныхъ, прибавивъ, что «нео» неулучшило ничего. Неогальперинъ экспропріируетъ не у Бальмонта и Надсона, а у Блока (Бѣшенно вздрогнувъ, за полночь кинется Воющій автомобиль), у В. Иванова (Не долгой нѣмотой отвѣтствуютъ небесныя пространства) и др.

Неогальперинъ не пишетъ«роза—греза», а, услыхавъ что-то объ ассонансахъ, пыжится: миндалины—блистательный, убранства—ястребъ, кончится—помощница и т. д.

Неогальперинъ расставляетъ слова по прежнему «экзотически», также нуждается свѣжихъ образовъ и собственнаго лица, точно опасаясь за свой вкусъ.

Въ дружескомъ предисловіи г. Боброва сказано, что творчество Н. Асѣева, минуя Тютчева, шло по пути пушкиніанцевъ (?) и «всѣми забытаго» Н. М. Языкова. Мы готовы признать, что творчество г. Асѣева шло мимо Тютчева, но что касается Николая Языкова, то, зная Языкова, говоримъ опредѣленно, что въ его творчествѣ и творчествѣ Николая Асѣева общаго только имена. Кромѣ того, г. Бобровъ, вѣроятно, совсѣмъ не понимаетъ, что значитъ «пушкиніанецъ» и думаетъ, что подъ это понятіе можно подвести современниковъ Пушкина. Впрочемъ, тотъ же г. Бобровъ тамъ же умудрился сказать, что «Городецкій въ тысячный разъ переповторяетъ... Бодлэра». Понимая, что г. Боброву теперь неловко, при видѣ этой напечатанной фразы, мы оставимъ его предисловіе въ покоѣ.

Но въ книгѣ есть еще послѣсловіе автора, гдѣ послѣдній говоритъ, что прочтутъ его книгу и поставятъ на книжную полку. Конечно, тотъ, у кого въ шкапу много свободнаго мѣста, можетъ поступить именно такъ, но другіе...

Обложка работы С. Боброва значительно выиграла бы, если бы была напечатана ярко-чернымъ по ярко-черному.

Георгій Гаеръ.

КНИГА ЧАСОВЪ. Р. М. Рильке. Ч. 1. О монашеской жизни. 24 стихотворенія, въ переложеніи Юліана Анисимова. К-ство „Лирика“. М. 1914.

Третья книга, изданная молодой Лирикой. Въ началѣ книги сообщается, что стихи Р. М. Рильке переложены Ю. Аниси-

мовымъ въ сельцѣ Хованскомъ въ іюнѣ 1913. Затѣмъ слѣдуетъ предисловіе: „Эта книга менѣе всего хочетъ стать тетрадью стиховъ, такъ, какъ это понимаютъ современные поэты и полупоэты“.

Что такое за странное сословіе—полупоэты? Всѣ знаютъ, что бываютъ фунты и полфунты, бутылки и полбутылки, но чтобы поэтическое дарованіе могло измѣряться цѣлымъ и половиннымъ званіемъ—это для насъ совершенная новость. И потомъ, какъ можетъ книга хотѣть стать тетрадью?...

Въ томъ же предисловіи г. Анисимовъ говоритъ, что онъ отдаетъ этотъ сборникъ тѣмъ немногимъ, которые чувствуютъ значеніе Рильке для Россіи. Намъ кажется, что г. Анисимовъ сдѣлалъ большую ошибку, не переведя такія прекрасныя и дѣйствительно цѣнныя для Россіи вещи, какъ „Selten ist die Sonne im Sobor и „Da trat ich wie ein Pilger ein“. Крайне жаль также, что переведена только 1-я часть книги, и то далеко не вся.

Переводы (переложенія) очень пестры: то—фотографическая точность, то совершенно фантастическое толкованіе нѣмецкихъ текстовъ. Вся книга усѣяна недочетами, почти что какъ Tanglefoot—іюльскими мухами.

„Das Blatt das sich hoch in fremden Händen dreht“—по смыслу: листъ, который высоко держатъ чужія руки Переведено: листъ, что отогнутъ чужакомъ. Только очень большая нечуткость позволила переводчику обратить пластическій образъ „чужихъ рукъ“ въ уродливый провинціализмъ—чужакъ.

„Es giebt ein Aufgerichtetsein“ Переводится: Пусть выпрямленный часъ насталъ. Во-первыхъ самое окончаніе sein показываетъ, что тутъ дѣло идетъ не о времени, но о нѣкоторомъ состояніи. Aufgerichtet означаетъ не только „выпрямленный“, но также возбужденный, и это становится еще яснѣе, если возьмемъ предыдущую строку: Есть гимны, съ коими смолкаю. Приходимъ къ заключенію, что Aufgerichtetsein содержитъ понятіе возбужденнаго состоянія духа, и непонятно, почему г. Анисимовъ замѣняетъ его какимъ-то нелѣпымъ „выпрямленнымъ часомъ“.

Прекрасныя слова: Und dich besitzen (nur ein Lächeln lang) „обладать тобой, только пока длится улыбка“—затуманены и

обезображены: „Имѣть тебя (на срокъ улыбки зная“). „Имѣть тебя“—скверно, „на срокъ“—еще хуже, а къ чему приложено „зная“ это, очевидно, профессіональная тайна переводчика.

Если г. Анисимовъ рѣшилъ отказаться отъ буквы ѣ, то ему слѣдуетъ оставаться вѣрнымъ себѣ; а то получается странное впечатлѣніе, когда онъ пишетъ: колѣни, напѣвъ, и т. д., и послѣ этого вдругъ—отселе, зеница.

Строки: И лучше ли вспахана кѣмъ, засѣяна ль лучше страна

Касанье лишь легкое знаешь ты отъ похожихъ посѣвовъ— напоминаютъ какой-нибудь стихотворный переводъ Овидія, одобренный Мин. Нар. Пр. для классныхъ библіотекъ.

Намъ кажется, наконецъ, что самое заглавіе книги переведено невѣрно: Stundenbuch—Книга Часовъ. Stundenbuch—(Livre des heures, Horavium) скорѣе можетъ быть передано словомъ „Часословъ“, тѣмъ болѣе, что здѣсь подразумѣвается именно каноническая книга, написанная монахомъ.

Если мы прибавимъ ко всему сказанному, что языкъ перевода отличается крайней тяжеловѣсностью, туманностью и негибкостью, что книга богата опечатками, что собственный ликъ Рильке остался вовсе невыявленнымъ—ни въ словахъ ни въ созвучьяхъ—то придется сознаться, что „Лирика“ никакъ не поднимется выше; переводы, разобранные нами, сдѣланы, очевидно, „полупоэтомъ“ (теперь мы какъ будто уясняемъ себѣ значеніе этого слова) и къ тому-же „полубездарнымъ“.

Uagus.

ГЕТЕ. ТАЙНЫ. Переводъ А. Сидорова. Изд. „Лирика“. М. 1914. 50 к.

„Die Geheimnisse“ принадлежитъ къ далеко не лучшимъ произведеніямъ Гете, хотя, какъ это ни странно, не пользуется популярностью.

Переводъ г. Сидорова, кажется, первый стихопереводъ этихъ октавъ. На заглавномъ листкѣ обозначено, что это размѣръ подлинника. Намъ казался страннымъ этотъ анонсъ, такъ какъ ясно, что стихи, иначе, какъ размѣромъ подлинника, вообще не могутъ быть переведены людьми культурными; очевидно, г. Сидоровъ опасался, что его не причислятъ къ культурнымъ. Однако, мы сомнѣваемся, понимаетъ ли переводчикъ, что такое размѣръ. Мы, по наивности, до сихъ поръ полагали, что риѳма входитъ въ размѣръ; но г. Сидоровъ не только допускаетъ ассонансы вмѣсто Гетевскихъ точныхъ риѳмъ (печали-причалить), но даже, вообще, не считается съ окончаніемъ. Такъ, у Гете октавы 2, 9, 10, 13, 16 написаны исключительно на женскихъ риѳмахъ, а г. Сидоровъ всѣ куплеты построилъ на чередованіи мужскихъ и женскихъ окончаній, отнявъ этимъ мѣстную мягкость повѣсти.

При первомъ чтеніи бросились въ глаза, кромѣ ужасающаго русскаго стиха, такіе шедевры:

Прощальный солнце шлетъ привѣтъ.
И съ тайной радостью онъ (?) замѣчаетъ,
Что онъ (?) уже вершины достигаетъ.

Кто онъ? Казалось-бы—привѣтъ, нѣтъ, братъ Маркъ,—о которомъ говорилось въ предыдущей строфѣ.

Разстановка словъ виртуозно-плохая:

. . . Передъ нимъ, желаніемъ узнать объятымъ.
. . . Чтобъ не забыть ни слова одного.

Стиль выраженій, какъ, напр.,

И мать, придя, узрѣла въ умиленьи
Геройство сына, дочери спасенье—

напоминаетъ намъ классическое: Повисъ Іуда на осинѣ, Сперва весь красный, послѣ синій.

Когда же намъ пришла неудачная (для г. Сидорова) мысль—сравнить переводъ съ текстомъ, обнаружилась колоссальная фантазія г. Сидорова, качество, почтенное для поэта, но совсѣмъ неумѣстное для переводчика. Приведу нѣсколько примѣровъ наудачу.

Куплетъ 2. Der eine flieht mit düs term Blick von hinnen— переведено: Пускай однимъ мелькнетъ сіянье свѣта; тогда, какъ переводъ таковъ: Одинъ бѣжитъ съ мрачнымъ взглядомъ. Здѣсь же „мать-земля“ превращено въ „торжественную землю“.

Куп. 5. Jst wie neu geboren—(какъ бы вновь родился)— переводчикъ фантазируетъ: Вздрогнулъ онъ невольно.

К. 6. Sanft geschwungnes—по Сидорову значитъ „гостепріимная“ а на самомъ дѣлѣ „нѣжно-извивающаяся“.

К. 7. У Гете просто: was hat das zu bedeuten; Сидоровъ пропитываетъ это мѣсто мусагетовщиной—Символъ сокровенный.

К. 9. У Гете: Онъ чуетъ вновь какое благо произросло тамъ, онъ чуетъ вѣру половины міра. Переводчикъ: Онъ чувствуетъ, что радость обѣщаетъ Высокій знакъ передъ кѣмъ весь міръ упалъ. Ясно, что г. Сидоровъ не понялъ, что „половина міра“—христіанство, и обезсмысливаетъ двустишье.

К, 10. Кромѣ подозрительной „загадки тайны“, переводчикъ пишетъ: Сумраки (?), одѣвшіе все собою; тогда какъ надо: Сумрачный свѣтъ, становящійся все сѣрѣе Um Dämmerschein, der immer tiefer grauet). Тутъ же: fühlet sich erbauet, что можетъ значить: Чувствовать себя восхищеннымъ или возсозданнымъ; г. Сидоровъ, не краснѣя, переводитъ: Стоитъ съ поникшей головой,—обнаруживая этимъ знакомство съ романсами.

К. 11. Образъ: Звѣзды наклонили къ нему свои свѣтлыя очи—г. Сидоровъ опошляетъ въ претенціозное: Далекій звѣздный пламень заблисталъ.

К. 13. Пропущено: Мы всѣ стоимъ въ оцѣпѣньи (wir alle stenn beklommen).

К. 15. Dass wir dne sichern hafen touden—что мы нашли надежную гавань—какимъ-то чисто Сидоровскимъ чудомъ превратилось въ: Здѣсь забыть минувшіе печали. Вообще, переводчикъ не любитъ гаваней. Такъ, въ К. 28, онъ опять пропускаетъ: Спѣшить отъ гавани къ гавани.

Иногда г. Сидорову становится обидно, что Гете скупъ на слова, и переводчикъ пускаетъ, какъ опереточный комикъ, отсебятину. Такъ, напр.,

. . . Ахъ, почему въ скупой земной отчизнѣ (К. 16)
. . . И монастырь достойный Господина (К. 6)
. . . Тихо меркнутъ долы (К. 7)
. . . Ахъ, жизнь свою отдать бы за другую (К. 17)
. . . И брата Марка увели съ собою (К. 32)

Ничего подобнаго нѣтъ въ оригиналѣ. Впрочемъ, переводчику милъ эффектъ; такъ, Гете кончаетъ фрагментъ просто: Они пропадаютъ въ даль (in die Ferne). Словно боясь, что галлерка не зааплодируетъ, г. Сидоровъ молодцевато исправляетъ Гете: И въ тайнѣ (?) исчезаютъ—и ставитъ таинственный рядъ точекъ.

Я уже не касаюсь тѣхъ мѣстъ, гдѣ Сидорову не понравилось выраженіе Гете и онъ его опускаетъ, или обратно: переводчику хочется сказать нѣчто, что Гете постѣснялся сказать, и онъ вписываетъ два-три слова. Такихъ примѣровъ десятки.

Итакъ, передъ нами не только не переводъ скучноватаго фрагмента, пусть неудачный, но вообще не работа культурнаго человѣка. Это пошлая пьеса г. Сидорова, написанная по поводу Гетевскаго текста.

Этой пошлости предшествуетъ вступленіе г. Рачинскаго признаемся откровенно, что у насъ не хватило терпѣнія прочесть эту скверно-символо-философскую лапшу; впрочемъ, и самъ г. Рачинскій врядъ ли расчитывалъ на иное отношеніе къ его строкамъ, иначе онъ, вѣроятно, хоть слегка поработалъ бы надъ слогомъ.

Дормидонтъ Буянъ.

MARIE MADELEINE.

Въ Кружкѣ молодой нѣмецкой Лирики мы встрѣчаемъ цѣлыя серіи всевозможныхъ типовъ; однимъ во что бы то ни стало хочется устроить эстетный маскарадъ (напримѣръ, Schaukal, Holz, Yollemoeller), другіе устраиваютъ цѣлыя трагедіи потопленія собственной персоны въ мірахъ, въ стаканѣ воды, въ природныхъ, городскихъ и прочихъ хаосахъ (Mombert Dehmel, George и др.), третьи—очень немногіе—довольствуются подражаніями и такъ далѣе. *) Но сквозь дымъ этого достаточно сыгравшагося оркестра золотѣетъ одно пылающее женское тріо: Elsa Lasker—Schüller—брянающая цыганка, Dolorosa—скорбная фаталистка и Marie Madeleine—самая молодая. Имя ея (или девизъ?) прекрасно идетъ къ ея творчеству; только она Магдалина безъ раскаянья.

Marie Madeleine—прежде всего женщина вполнѣ; трудно

*) Совершено одиноко стоитъ только maître Рильке.

себѣ представить стихи болѣе женскіе, чѣмъ ея. Она знаетъ только себя, свое личное счастье и свою боль—кромѣ этого, она, къ счастью, ничего не знаетъ.

Она сама—вотъ для нея все, единственный аспектъ ея творчества и единственный финишъ ея звѣзднаго, жизненнаго пробѣга. „Я люблю мое собственное существо, мое святое святыхъ—и все то, что рѣдкостно и болѣзненно". И что ей еще любить? Еще она любитъ „Interieur von roter Scharlachseide" и женщину, лежащую въ этомъ interieur'ѣ, освѣщенную тонкой восковой свѣчой, въ то время, какъ на тугой шелкъ постели стекаетъ черная кровь съ израненыхъ губъ.

Или казино въ Monte-Carlo, гдѣ по разграфленому кругу бѣгаетъ маленькое бѣленькое сердце и гдѣ она между двумя партіями внезапно ранитъ своихъ сѣдыхъ партнеровъ геніальнымъ хлыстомъ Тристана и Изольды; а потомъ, послѣ автоавтомобильной causerie, вспомнитъ о своихъ 19-ти годахъ и о темнокожемъ самаркандскомъ рабѣ съ лотосами въ волосахъ, котораго она, какъ собаку подъ кнутомъ, заставляла отвѣчать на свои ласковые капризы.

Хуже, когда она начинаетъ писать прозу—тогда ея новеллы и новеллеты крайне напоминаютъ притертыя исторіи Juli'u Jolst или Eva o. Baudissin изъ дешевой библіотеки Kürschner's Bücherschatz.

Еще хуже, когда она впадаетъ въ перемежающуюся лихорадку риторики, въ припадкахъ коей посвящаетъ свои черновики „самому бѣлокурому" или даетъ возлюбленному совѣты спасаться, потому что она стала-бы виллиссой, если бы умерла въ его объятіяхъ блаженной смертью (Wonnetod).

Бываютъ маленькіе скандалы, когда она вдругъ становится добропорядочной хозяйкой дома, пишущей для удовольствія мужа и знакомыхъ стихи о томъ, какъ она лежитъ по ночамъ безъ платья въ паркѣ и думаетъ о смерти.

Бываютъ и другіе своеобразные инциденты.

Но, во всякомъ случаѣ, мы должны быть очень благодарны Marie Madeleine за два прелестныхъ сюрприза, которые она намъ сдѣлала: за искренность и абсолютную единенность съ жизнью.

Димитрій Болконскій.

Художественная Хроника.

ЛЕКЦІЯ А. К. ЗАКРЖЕВСКАГО.

Я былъ доволенъ. Очень. Какъ никогда. Я видѣлъ некультурцевъ, на лицахъ которыхъ было написано жестокое отчаяніе неудачи полакомиться человѣчинкой. Я видѣлъ, какъ жирныя дамы, пришедшія еще разъ поржать надъ футуризмомъ, вытягивались постепенно въ идеальную мину тупой растерянности, какъ они таяли.

Мясные ряды ждали демократическаго лая на искусство со стороны вѣрныхъ церберовъ дешеваго либерализма, г. г. Фриче и Невѣдомскихъ, жаждали видѣть на кафедрѣ беременную плохими остротами истеричку—Корнѣя Чуковскаго, за недѣлю передъ докладомъ выболтали всю свою тряпичную душу въ гомерическомъ чаяніи скандала и, идя на долго жданный спектакль, затянулись потуже въ объятья корсетовъ, чтобы не больно было гоготать надъ ненавистнымъ искусствомъ пришедшаго дня.

О, бѣдные, какъ вы ошиблись въ своихъ лучшихъ чаяніяхъ.

На трибунѣ появился скромный, милый человѣкъ и такимъ же милымъ, тихимъ голосомъ заговорилъ о футуризмѣ, какъ о новой силѣ міра, если и не завоевавшей уже общечеловѣческаго признанія, то долженствующей встать на побѣдную позицію въ самый короткій срокъ.

Съ очень многими положеніями г. Закржевскаго можно не согласиться, но крайне цѣнно для насъ то, что мы въ первый разъ увидали на трибунѣ человѣка, читающаго о футуризмѣ безъ истерикъ, безъ кликушества, подошедшаго къ заинтересовавшему его теченію, какъ серьезный и любящій изслѣдователь путей и методовъ.

Были въ докладѣ и неровности, и шероховатости, и противорѣчія, видно было, что докладчикъ не вполнѣ ознакомился съ очень широкой литературой вопроса, ибо только этимъ я могу объяснить почти полное умолчаніе о двухъ наиболѣе даровитыхъ представителяхъ русскаго футуризма — В. Маяковскомъ и В. Шершеневичѣ, и довольно многословныя разсужденія объ Олимовѣ, представляющемъ въ футуризмѣ совсѣмъ ничтожную фигуру.

Оригинально, хотя едва ли вѣрно, было намѣреніе докладчика дать въ родоначальники футуризму Фридриха Нитцше. Возможность такого сопоставленія докладчикъ видитъ въ той всеческой переоцѣнкѣ міровыхъ цѣнностей, которую заново произвелъ футуризмъ, и от-

даетъ ему дань должнаго уваженія въ томъ, что футуризмъ не останавливался ни передъ какими авторитетами.

Очень радуетъ насъ, что г. Закржевскій обратилъ большое вниманіе на Рюрика Ивнева и отдалъ должное этому глубоко и болѣзненно талантливому поэту.

Въ первую половину доклада готтентоты были ошеломлены отсутствіемъ ожидавшагося скандала и, поэтому во второй половинѣ, осмѣлѣвъ, рѣшили сами создать его, чтобы получить хотя бы малюсенькое удовольствіе.

Начался усердный кашель, часть публики начала уходить съ топотомъ копытъ и устраивать за дверями «ропотъ народа». По застѣнчивости или же по особой корректности, конечно, недоступной дикарямъ, докладчикъ не просилъ предсѣдателя успокоить ихъ, а предсѣдатель, искренно лишившійся дара слова, рѣшительно не сдѣлалъ ни одной попытки унять обманутыхъ скандалистовъ и, только послѣ записки, поданной однимъ изъ присутствующихъ поэтовъ съ просьбой предсѣдательствовать приличнѣе, попросилъ публику соблюдать тишину.

Безобразнѣе всѣхъ велъ себя одинъ изъ представителей старой литературы, г. Телешовъ. Онъ, конечно, не могъ понять, какъ можно читать о футуризмѣ серьезный докладъ, да еще достаточно длинный, и охалъ на весь залъ, показывая жестами (ибо — смѣю полагать — другимъ способомъ объясняться ему не дано) докладчику, что давно пора кончать, закрывалъ глаза, зѣвалъ и, наконецъ, съ шумомъ ушелъ изъ зала. Но этимъ не ограничился и по временамъ, открывая дверь, что-то громко мычалъ.

Конечно, отъ г. Телешова нечего требовать культурности, но приходится удивляться предсѣдателю, проявившему ее не болѣе и не остановившему его.

Послѣ доклада начались «пренія». Выступилъ г. Яблоновскій, при появленіи котораго на трибунѣ, раздался явственный свистъ со стороны присутствующихъ въ залѣ поэтовъ-футуристовъ, въ видѣ протеста противъ поведенія предсѣдателя. Тогда послѣдній впервые обнаружилъ признаки жизни и пригрозилъ закрыть собраніе. Очень удивляемся такой неожиданной энергіи Ю. А. Бунина.

При уходѣ Яблоновскаго, бросившаго какой-то выпадъ въ сторону «господъ слѣва», футуристы проводили недоумѣвающаго оратора аплодисментами.

Послѣ г. Яблоновскаго гнусавилъ какой-то старичокъ (оказавшійся сотрудникомъ «Русскихъ Вѣдомостей»); о чемъ — понять было нельзя.

Потомъ на трибунѣ появился г. Гельманъ, ежегодно читающій доклады о проституціи и также ежегодно оппонирующій докладчикамъ о футуризмѣ. Звалъ онъ къ демократіи и еще къ чему-то, а кончилъ тѣмъ, что приравнялъ футуристовъ къ извѣстнымъ зловреднымъ насѣкомымъ.

Дальше было еще веселѣе. Выступилъ Н. Бернеръ. Этотъ сюсюкающій юноша, бывшій не такъ давно приверженцемъ футуризма и сбѣжавшій послѣ того, какъ мама пригрозила, долго и нудно читалъ по записочкѣ, написанной кѣмъ-то другимъ, такъ какъ самъ Бернеръ всегда отличался отсутствіемъ мыслей. Въ запискѣ стояло — о символизмѣ, о своемъ отношеніи къ искусству, о личныхъ творческихъ мукахъ и о какофоніи въ стихахъ Мезонинцевъ.

Послѣднимъ говорилъ Вадимъ Шершеневичъ. Указавъ на положительныя стороны доклада, возразивъ г. Фриче, котораго онъ упрекнулъ въ незнаніи манифестовъ Маринетти и въ подтасовкѣ фактовъ, оппонентъ, вмѣсто отвѣта на вызовъ, брошенный Мезонину г. Бернеромъ, сказалъ, что возражать на «обвиненія, исходящія отъ двухсторонней грамофонной пластинки» не приходится.

Пренія закончились, предсѣдатель трудолюбиво вытащилъ изъ себя резюме, и сливочныя дамы загалопировали къ выходу.

С. Платоновъ.

Футуризмъ въ Петербургѣ.

Спектакли 2, 3, 4 и 5-го Декабря 1913 года

Громадный успѣхъ футуризма, собиравшаго въ теченіи слишкомъ сорока лекцій, докладовъ и диспутовъ — массу публики въ Петербургѣ — и наконецъ, два удивительныхъ спектакля, Трагедія В. Маяковскаго и опера «Побѣда надъ Солнцемъ», слова А. Крученыхъ, декор. кост. К. Малевича, музыка М. В. Матюшина, данные въ началѣ декабря въ театрѣ бывш. Комиссаржевской, оставили всю петербургскую печать въ полномъ незнаніи и непониманіи важности происшедшаго.

А главное, показали всю непроходимую, вульгарную тьму невѣ-

жества даже среди властителей печатнаго слова. Неужели же стадность такъ ихъ всѣхъ связала, что даже не дала возможности присмотрѣться, изучить, задуматься надъ тѣмъ, что въ настоящее время проявляется въ литературѣ, въ музыкѣ и живописи.

Въ живописи всѣ эти сдвиги плоскостей, перемѣщенія связи видимостей, введеніе новыхъ понятій о выпуклости, тяжести, динамизмѣ формы, динамикѣ краски.

Въ музыкѣ идея новыхъ гармоній, новыхъ гармонизацій, новаго строя (четверти тона). Одновременное движеніе четырехъ совершенно самостоятельныхъ голосовъ (Регеръ, Шенбергъ).

Въ открытіе слова и поэтому отрывъ слова отъ смысла—право слова на самостоятельность, отсюда новое словотворчество (Открытіе геніальнаго Хлѣбникова).

Такъ образовались:

Въ живописи — разломъ стараго академическаго рисунка — надоѣвшій классицизмъ.

Въ музыкѣ разломъ стараго звука — надоѣвшій діатонизмъ.

Въ литературѣ разломъ стараго, затертаго, захламленнаго слова, надоѣвшій слово-смыслъ.

Только сидящіе во тьмѣ не видятъ свѣта — глухіе не слышатъ звука.

И вотъ взбѣгъ нашего глубокаго русскаго творчества — оплеванъ невѣжествомъ отсталой передовой печатью... Даже не подумали: а чѣмъ и какъ защищаются эти пугающіе ихъ сонъ люди — и можно ли бить не защищеннаго? Вѣдь ни одного, положительно слова не раздалось въ защиту, точно былъ отданъ приказъ по всей линіи печати — Плевать и ругать!

Но что же случилось, что это была возмутительная порнографія — или противозаконное возбужденіе умовъ?

А было вотъ что: Результатомъ всѣхъ, постепенно нароставшихъ измѣненій въ жизни — слѣдовательно и въ творчествѣ, перешли отъ академіи къ импрессіонизму, а отъ него къ кубизму и футуризму,— словомъ, по всей линіи искусства — стали въ плоскости новыхъ измѣреній — и наша русская молодежь — не зная никакихъ попытокъ новаго театра за границей, у насъ въ Питерѣ показала на сценѣ въ оперномъ спектаклѣ, полный разломъ понятій и словъ, разломъ старой декораціи, разломъ музыкальной гармоніи, и дала новое свободное отъ старыхъ условныхъ переживаній творчество — полное въ

самомъ себѣ, въ кажущемся безсмысліи словъ — рисункѣ-звукѣ, — новые знаки будущаго, идущаго въ вѣчность, и дающіе радостное сознаніе силы тому — кто благоговѣйно къ нимъ прислушается и вглядываясь озарится радостью нашедшаго драгоцѣнность, а не превратится въ дикаря, заливающагося утробнымъ смѣхомъ — или озлившагося нелѣпой животной злобой, услыша или увидя впервые, какой-либо сложный механизмъ, созданный вѣками переемственныхъ изысканій, хотя бы вродѣ воздушнаго телеграфа или жидкаго воздуха.

И такъ подобная участь печати въ роли новозеландскаго папуаса сложилась лишь благодаря бутербродной и всякой другой косности и полному нежеланію слѣдить за происходящимъ ростомъ творческой души и исключительному вниманію къ готовымъ и усвоеннымъ фикціямъ всякой повседневной мелкой реальности и обобщенію ихъ, внѣ всякаго душевнаго процесса... И это называется отразить — общественное мнѣніе!

Идея же совмѣстной творческой работы, поэта художника и музыканта — возникла лѣтомъ прошлаго года въ Финляндіи, гдѣ былъ выработанъ рядъ положеній новаго творчества, подъ общимъ названіемъ — «Манифестъ Футуристовъ» въ послѣдствіи, осенью, напечатанный во многихъ газетахъ.

Тогда же, лѣтомъ, участниками съѣзда рѣшено было на новыхъ началахъ слова, рисунка и музыки—создать коллективъ творчества.

Полгода большой трудной совмѣстной работы — дали «Побѣду надъ Солнцемъ». Съ большими затрудненіями и всевозможными дебатами — художественнымъ совѣтомъ Совѣта Молодежи былъ рѣшенъ вопросъ постановки «Побѣды надъ Солнцемъ» и трагедіи «Владиміръ Маяковскій».

Большіе расходы по постановкѣ и громадныя цѣны за помѣщенія заставили Союзъ Молод. черезъ своего предсѣдателя обратиться къ людямъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго представленія о передовыхъ задачахъ искусства, благодаря этому получился рядъ самыхъ непріятныхъ положеній и препятствій. Для оперы и трагедіи пришлось набирать участниками студентовъ любителей и только двѣ главныхъ партіи въ оперѣ были исполнены опытными пѣвцами. Плохой хоръ изъ семи человѣкъ, изъ которыхъ могли пѣть только трое — несмотря на всѣ наши настоянія и просьбы, былъ нанятъ дирекціей только за два дня до спектакля; отсюда полная невозможность, при

сложностяхъ композиціи — что либо разучить. Рояль, замѣнявшій оркестръ, разбитый, отвратительнаго тона, былъ доставленъ лишь въ день спектакля.

А что дѣлалось съ К. Малевичемъ, которому не дали изъ экономіи возможности писать въ задуманныхъ размѣрахъ и краскахъ, не дали исполнить по рисунку костюмы, какъ ему хотѣлось, о дубликатахъ костюмовъ въ должномъ количествѣ нечего было и думать, если прибавить, что этому большому художнику приходилось писать декораціи подъ самое пошлое глумленіе и идіотскій смѣхъ разныхъ молодцовъ изъ оперетки, то удивляешься энергіи художника, написавшаго двѣнадцать большихъ декорацій въ четыре дня.

Здѣсь я вспоминаю съ большой благодарностью о студентахъ участникахъ спектакля, которые выполнили свою задачу хорошо — такъ же благодаря нашему рѣшенію — въ оперѣ, слова безъ музыки, говорить съ большой разстановкой, при чемъ слово, оторванное отъ смысла — производило впечатлѣніе большой силы; ко всѣмъ непріятностямъ надо добавить, что репетицій общихъ для оперы, считая и генеральную — было только двѣ. Все это при полномъ несочувствіи всей дирекціи, конечно, не считая предс. С. М. Несочувствіе вплоть до свиста изъ ложи подъ общій шумъ. Уже съ этимъ ударомъ копыта — или безъ него — казалось бы исключены всѣ возможности успѣха.

Но, новое творчество несетъ въ самомъ себѣ такое здоровье и такую силу, — которая при самомъ посредственномъ выявленіи, не даетъ и не дастъ никому себя сломать.

Въ день спектакля оперы, былъ такой громадный подъемъ сочувствія и интереса въ одной половинѣ публики и такое отчаянно-выраженное отвращеніе въ другой, — что за всю мою жизнь въ Петербургѣ, я не на одной премьерѣ не слыхалъ и не видалъ такого возмущенія сторонъ и такого циклопическаго скандала: Благой матъ съ одной стороны, — «Вонъ, — долой футуристовъ!» — съ другой— «Браво! не мѣшайте, долой скандалистовъ!» Но даже и такой шумъ и скандалъ — не могъ уничтожить сильнаго впечатлѣнія отъ оперы. Такъ сильны были слова своей внутренней силой — такъ властно и мощно-грозно выявлялись декораціи и будетлянскіе люди, еще никогда нигдѣ невиданные, такъ нѣжно и упруго обвивалась музыка вокругъ словъ, картинъ и будетлянскихъ людей-силачей, побѣдившихъ солнце дешовыхъ видимостей и зажегшихъ свой свѣтъ, внутри себя.

Въ этомъ было столько волшебно неожиданнаго, что непонятно страннымъ казался этотъ громадный скандалъ въ зрительномъ залѣ... Хотѣлось крикнуть: Слушайте, радуйтесь явившемуся долго жданному, оно родилось и все равно, какъ Геркулесъ уже въ люлькѣ задавило васъ, возмутившихся противъ него.

Такъ жизнь новаго творчества сильна — и такъ важно во время услышать и узрѣть его проявленіе.

Трагедія Маяковскаго представляетъ огромное выявленіе импрессіонизма въ символикѣ слова. Но онъ нигдѣ не отрываетъ слово отъ смысла, не пользуется самоцѣннымъ звукомъ слова. Я нахожу выявленіе его пьесы очень важнымъ и значительнымъ, но неставящимъ новыя послѣднія грани или кладущимъ камни въ трясины будущаго для дороги будетлянскаго искусства.

Тѣмъ самымъ нисколько не умаляя значенія его пьесы, считаю постановку его вещи — много ниже его творчества.

Петербургъ, Январь 1914 г.

М. В. Матюшинъ.

Издательство

Перваго Журнала Русскихъ Футуристовъ.

Дохлая луна — — — 1 р. 50 к.
(распродано).

Дохлая луна (второе изданіе дополнен. Печатается).

Молоко кобылицъ — — — 1 р.

В. Маяковскій: Трагедія Владиміръ Маяковскій — — — 1 р

Сборникъ рисунковъ: (печатается).

Бурлюки: Давидъ, Владиміръ
Предисловіе Николай Бурлюкъ.

Б. Лившицъ: ВОЛЧЬЕ СОЛНЦЕ II кн. стих. 1 р.

В. Хлѣбниковъ ТВОРЕНІЯ томъ I-й — 1 р.

«Современныя проблемы» Москва Никитская.

Складъ изданія

Петербургъ. Литейный Ив. Ив. Митюрникова, магазинъ.

Всѣ книги иллюстрированы, репродукціи, цвѣтные, однотонные рисунки, рисунки отъ руки.

2 руб.